

ПРАЗДНИЧНОЕ настроение в этом году подогрето событиями последнего времени, годовщины которых отныне тоже войдут во все календари: замечательный успех исторического визита Никиты Сергеевича Хрущева в США, выдающиеся успехи в развитии науки и техники, полет ракеты, публикация первой в истории фотографии невидимой стороны Луны, первый выход в море атомохода «Ленин». И, конечно же, каждое из этих событий мы всякий раз связывали с тем, что произошло сорок два года назад, с социалистической революцией. Мы чествовали Великий Октябрь, не дожидаясь традиционной даты. И тем больше ждали ее и готовились к ней.

Холодный осенний ветер дует в лицо демонстрантам. И мы, участники праздничной радиопередачи с Красной площади, глядя из окон студии, думаем, что, наверное, трудно нести против ветра большие, как паруса, высоко поднятые знамена. Но молодые знаменосцы несли их твердо и уверенно. И точно так же уверенно плыли против ветра огромные плакаты «СЕМИЛЕТКУ ДОСРОЧНО!» и модели атомного ледокола с крупной надписью «ВЗЛОМАЕМ ЛЕД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ!».

Я должен был немного рассказать радиослушателям о демонстрации и передать слово Братской ГЭС. Демонстрация обычно сравнивают с живой рекой. Образ верный, хотя и не новый. Я рассказывал о перекате, что возникает на этой живой реке перед трибуной Мавзолея: здесь вздымаются волны, которые, колыхаясь, возносятся все выше и выше флаги, букеты цветов и огненных кленовых листьев; отсюда взлетают модели космических ракет и тысячи воздушных шаров. Здесь огромный шар Луны с ее новыми и старыми морями, кратерами, первый глобус Луны, который мне довелось увидеть. Раньше это было невозможно.

Слушайте! Говорит Братск! — заканчиваю я. В студии тихо. Свободных нажимов нет. Сам я, к сожалению, Братска не слышу. Но этим летом я видел его. И живо представляю стремительно зеленую Ангару, на которой как бы играют все оттенки царства таежной хвои, раскинувшегося по ее берегам. Я вижу, как, свернувшись в идущей вдоль берега дороги, движутся машины по перемычке, по деревянным

мостам над котлованом, где осторожно расчищаются скальные дыры — основание будущей плотины. Я вижу, как по берегам переносит исполненный край башни с бетоном, как принимают бетон, как ввязал масса бетона под действием вибраторов навеки входит в тело плотины. Я вижу встопорившиеся камни знаменитого Падуна. Кажется, что какие-то сказочные богатыри, бросив в реку эти камни, уже пытались перекрыть Ангару, но река была сильнее великанов, она ждала людей. По сравнению с растущей плотной Падуны как бы становится все ниже и ниже, скоро он и совсем уйдет под воду. Когда мы ввели перекат, в Братске уже приближался праздничный вечер: строители, выйдя на высокие берега Ангары, слушали рев Падуны и любовались огнями стройки, делом рук своих.

В полдень московское небо стало быстро проясняться. Широкие волны, вознося знамена, букеты, прошли по всему пространству Красной площади. Люди приветствовали Солнце.

Вечером вместе со множеством москвичей и приезжих я спешил на Ленинские горы, чтобы отсюда, с высоты, поглядеть на праздничные огни Москвы. Когда мы вышли из метро, до салюта оставалось пятнадцать минут. Одни из нас просто прибавили шаг, а другие, деловито взглянув на часы, выходили на дистанцию, как бывалые спортсмены. Они бежали, не оглядываясь, а нас задержали огни Юго-Запада. Как их много!

Совсем недавно здесь была степь, — объяснял москвич своему восхищенному гостю, по-видимому, настоящему степняку.

Постепенно быстрый шаг превратился в бег, но, увы, было уже поздно. Только мы прошли здание университета, как раздался первый залп салюта. И мы побежали навстречу фонтану разноцветных ракет.

Смелся, неслись вперед стайки девушек. Свистя и что-то крича, мчались возбужденные мальчишки. Взвизываясь в воздух, бежали влюбленные.

Снимай! У тебя же цветная пленка! — кричит девушка своему спутнику. Тот улавляет ее вперед:

Успеем! Осталось десять залпов.

Что ты?! Не десять, а шесть!

Снимай сейчас же!

Юноша останавливается и фотографирует темные силуэты деревьев и людей, бегущих с поднятыми головами навстречу грозным падающим ракет. И вот последний залп. Влюбленные стоят, обнявшись.

Снимок выйдет замечательный, — говорит юноша. — И он всегда будет напоминать нам эти минуты. Правда, здорово было? — добавляет девушка.

Когда мы подошли к площадке, с которой видна сияющая Москва, мы увидели, как стремительно растекались толпы людей и вереницы машин. Мы спешили к праздничным столам. Слышалась китайская, немецкая, венгерская речь и русская, иногда с милым нецензурным или болгарским акцентом. Многие остались у гранитного парапета. И все новые и новые группы москвичей уже не спешили подходить к нему и замирали перед открывавшейся картиной.

А нами болдрым, чистым и солнечным было утро следующего дня. Десятый час, а на улицах необычно мало прохожих. Машин тоже мало, и на бензоколонки воркуют голуби. Они же нехорошо разгуливают по мостовым. Редкие прохожие идут парами и целыми компаниями. Какой-то парень несет на плече радиолу. Перекриваются через улицу, поздравляя друга друга с праздником.

Мы всю ночь не спали, будто встречали Новый год! А вы?

Начался сорок третий год новой эры в истории человечества. Новый год нашей страны.

Празднование 42-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в Москве. Колонны демонстрантов на Красной площади. Фото М. Трахмана.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР
О награждении поэта Сельвинского
И. Л. орденом Трудового Красного
Знамени
В связи с шестидесятилетием со дня рождения поэта Сельвинского И. Л. и отмечая его заслуги в развитии советской литературы, награждать тов. Сельвинского Илью (Карла) Львовича орденом Трудового Красного Знамени.
Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДZE
Москва, Кремль, 9 ноября 1959 г.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР
О награждении писательницы
Коптяевой А. Д. орденом
Трудового Красного Знамени
За заслуги в развитии советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения награждать писательницу Коптяеву Антонию Дмитриевну орденом Трудового Красного Знамени.
Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДZE
Москва, Кремль, 9 ноября 1959 г.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР
О награждении тов. Леонтьева Б. Л.
орденом Трудового Красного
Знамени
В связи с шестидесятилетием со дня рождения редактора «Литературной газеты» по отделу международной жизни тов. Леонтьева Б. Л. и отмечая его долготелую плодотворную работу в советской печати, награждать тов. Леонтьева Бориса Леонтьевича орденом Трудового Красного Знамени.
Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДZE
Москва, Кремль, 9 ноября 1959 г.

Кукуруза и... математика

ДО ДВАДЦАТИ одного года он оставался полуграмотным деревенским парнем. Любопытным, живым и все же полуграмотным. И совсем не потому, что не хотел учиться, а потому лишь, что в семье крестьянина Евсея Козубенко Василий был одним из семи детей, для которого не могло быть и речи о поступлении в гимназию или реальное училище. История о том, как деревенский пасхурок Василий Козубенко стал доктором наук, едва ли удивит кого-нибудь в наш век.

Но есть в судьбе его одна деталь, которая делает восхождение пастуха к вершинам науки не совсем обычным. Специальность селекционера обрел он только в 33 года. Для всякой другой профессии возраст — дело второстепенное. А тут вышла заминка. Когда агроном Козубенко понял, что создавать новые сорта, улучшать то, чем жили деды и прадеды, — его единственное призвание, отправился он в Украинскую академию сельскохозяйственных наук (в ту самую, куда ныне избран членом-корреспондентом) с просьбой направить его в какое-нибудь селекционное учреждение. Старичок, сотрудник академии, осведомившись о возрасте агронома, удивился:

— Вы, товарищ, — сказал он, — для селекционной работы в некотором роде переросток. Посмотрите, кто из селекционеров поминает плоды успеха? Старички. А почему? Такая уж профессия: десятком лет в ней не отделаешься... Жизнь человеческая коротка, а искусство селекционное бесконечно длинно... Мрачный прогноз не остановил Козубенко, но разговор в академии заставил его серьезно задуматься. Природа, действительно, не торопится раздавать лавры творцам новых сортов сельскохозяйственных растений. Сорта высокоурожайных пшениц, более вкусных и крупных овощей и фруктов, породы лучшего по продуктивности человека — это все создается десятилетиями, и никто не удивляется этой расточительной медлительности. Под подобные темпы поведена даже теоретическая база. Селекция — личное, неповторимое искусство селекционеров, утверждают старые мастера сортов и пород, причем искусство, требующее многолетней тренировки памяти, наблюдательности.

Согласится сам: для молодого специалиста все это должно звучать по крайней мере угрожающе. Впрочем, Козубенко поздно было отступать. Его направили на Сиверийскую селекционную станцию Института кукурузы, а после аспирантуры — на Армавирскую зональную станцию заведовать отделом селекции. Здесь уже никого не интересовали ни его возраст, ни то, присутствует ли у него шестое «селекционное» чувство. Зато от него настоятельно требовали новых сортов кукурузы, более урожайных, чем те, что существуют, и, главное, более устойчивых к засухе. С чего начинало большинство селекционеров прошлого? С поисков среди тысяч и миллионов растений своего «золотого колоса», того, который случайно окажется носителем необходимых человеку качеств и станет родоначальником будущего сорта.

Козубенко начал по-другому. Он прежде всего предпринял поиск самой короткой дороги к созданию сортов и нашел ее с помощью... математики.

Я должен поднять урожай кукурузы, — рассуждал селекционер. — А из чего, из каких компонентов он складывается? От чего зависит?

От величины початка, от числа початков на стебле, от их веса, — отвечал ученик.

А какой из этих трех показателей все-таки самый важный? Ученики на этот вопрос не давали ответа, зато старшие по опыту селекционеры раздразнили одержимого молодого коллегу: — Мальчишество — задавать подобные вопросы. Для урожая одинаково важны и величина початков, и вес их, и количество. Да и какое в конце концов это может иметь значение?

Очень большое, — упрямыми Козубенко. — Если достоверно, с точностью до десятых и сотых дозяться, от какого показателя прежде всего зависит урожай, то мы сможем без ошибки вести отбор именно по этому показателю. Если дело в величине початков, будем отбирать самые большие, а может быть, важен диаметр початка или вес семян. Уточнить цель отбора — разве это не означает облегчить и ускорить его?

Фантазия, — смеялись агрономы. Но Козубенко не бросил ушедшей его идеи. Он ставит опыт за опытом. Шесть лет уходит на пустое, как многим кажется, дело: математическое доказательство, что урожай кукурузы зависит от разных компонентов в различной степени. Селекционер засеивает поля и осенью точнейшим образом взвешивает и измеряет растения, особенно початки. Вариационная статистика — один из разделов математики — помогает ему вывести строго проверенные коэффициенты зависимости между окончательным урожаем и величинами, его составляющими.

МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ не пожалел своему анализу. Он убедился, что дело это стоило затраченных сил. Три десятка цифр, выведенных за шесть лет, раскрыли перед Козубенко главный просчет в работе тех, кто занимался прежде в нашей стране селекцией кукурузы. Они механически перенесли на русскую почву приемы американцев. Во влажном «кукурузном поясе» США все вновь создаваемые сорта имели на стебле, как правило, один крупный початок. Для Америки это было разумно, ибо, как показали коэффициенты Козубенко, именно величина початка определяет размеры урожая в условиях достаточного увлажнения. Но в наших сухих степях (под Харьковом, например, выпадает вдвое меньше осадков, чем в Аляске) поражающий отбор растений с одним початком отнимал у страны ежегодно миллионы центнеров зерна. Отнимал потому, что засуха прежде всего мешала образованию початков. Растение однопочаткового сорта в сухие годы остается часто бесплодным. Естественно, что сорт, закладывавший во влажном году на каждом стебле два початка вместо одного, имел бы больше шансов в случае недостатка влаги дать хотя бы один початок и благодаря этому оказался бы более устойчивым против засухи. Вот тут главный хозяйственный вывод, который селекционер извлек из своих математических подсчетов.

Но эти шесть лет Козубенко занимался не только теорией. Одновременно с расчетами он предстал на суд товарищей и свой новый сорт засухоустойчивой двухпочатковой кукурузы «Зубовидная-3135», выведенный в соответствии с новыми идеями. Более двадцати лет прошло с тех пор. Сегодня даже неспециалист, взглянув на карту распространения сортов кукурузы в нашей стране, может дать оценку козубенковскому принципу. Сорта и гибриды Василия Евсеича Козубенко наступают ныне по всему кукурузному фронту. «Зубовидная-3135», несмотря на свой «почтенный» возраст, районирована до сих пор. А ее потомки и гибриды, получившие от скрещивания с ней, разошлись по огромной площади в сорока четырех краях и областях Советского Союза.

Замечательная способность растения — удерживать урожай при самых различных обстоятельствах — возникла не случайно. Отбор на двухпочатковость — вот что в значительной степени определило успех Козубенко-селекционера. Верный, научно обоснованный принцип отбора сэкономил Василию Евсеичу Козубенко многие годы труда, оградив его от бесплодных поисков, уточнив путь к созданию наиболее ценных даров Родины.

Памяти Фридриха Шиллера

В Германской Демократической Республике начались торжества по случаю двухсотлетия со дня рождения великого немецкого поэта и драматурга Фридриха Шиллера.

В Веймаре открылась неделя, посвященная творчеству писателя. На торжественном открытии недели присутствовал министр культуры А. Абуш, представители общественности, а также члены дипломатического корпуса.

В Веймаре проходит также научная конференция, посвященная творчеству Фридриха Шиллера.

В торжествах по случаю двухсотлетия со дня рождения великого немецкого писателя принимают участие гости из ряда стран, в том числе из Советского Союза, Болгарии, Польши, Венгрии, Китая, Австрии и Англии.

Сегодня в Центральном Доме литераторов в Москве под председательством Юрст. Федина состоится большой вечер, посвященный 200-летию со дня рождения великого немецкого писателя Фридриха Шиллера. Вечер организован правлением Союза писателей СССР, Обществом советско-германской дружбы и культурной связи и Институтом мировой литературы имени А. М. Горького. С чтением переводов стихов Шиллера выступят советские поэты-переводчики.

Туркменский театр в Москве

Стало хорошей традицией: устраивать в Кремлевском театре в Москве показ лучших спектаклей творческих коллективов братских республик.

В эти дни абхазы сообщают: 11 ноября в столице начнутся выступления Туркменского драматического театра имени И. В. Сталина. Созданный в 1929 году на основе первой в республике театральной студии, он стал веду-

щим творческим коллективом Туркмении. За 30 лет на его сцене были поставлены многие пьесы русской, советской и зарубежной драматургии.

В Москву театр привез два своих лучших спектакля: «Решающий шаг» выдающегося туркменского писателя Берды Кербаябаева, более ста раз показанный в республике, и «На Мургабе» Гусейна Мухтарова.

Валерик не хочет спать...

МОИ СОСЕД Валерик презирает частную собственность... У нас во дворе завелась старая очередьность — кто за кем наступает на новом двухколесном велосипедике Валерика: сперва Мишка (он выше всех ростом), потом Сережа, потом Клава. Самому Валерику редко удается покружить по двору, лихо закинув ноги на руль. Мать его, хорошая, добрая женщина, не может примириться с таким положением.

Ведь у велосипеда всего два колеса, — убеждает она сына. — И он не выдержит на себе весь наш двор! Велосипед, действительно, не может выдержать, — и мой юный сосед по вечерам чинит его, запершись в ванной комнате, которую он давно уже превратил в домашнюю мастерскую. Ремонтировать машину ему нравится куда больше, чем кататься на ней.

В глубине нашего двора к поливающей от времени кирпичной стене длинным металлическим ящиком прислонился «индивидуальный гараж». Почти каждый день плавающий в движениях молодой человек, во френатовом синем комбинезоне (этакой пародии на рабочий костюм), выкатывает из гаража свою голубую «Волгу» и, связ с нее многочисленные и весьма любопытные секретные замки, начинает с нежностью и любовью мыть, чистить и протирать свой «индивидуальный автомобиль». «Волгу эту трудно назвать добрым рабочим словом «машина» — это скорее всего будущая на колесах: воздушные занавески, коврики, плюшевые собачки и маршочки на веревочках...

Однажды «плавающий» молодой человек предложил мальчишкам прокатиться: «Так уж и быть! Только не царапайте мой гараж и не пишите на нем фидские вещи!» К величайшему изум-

лению «индивидуального владельца», мальчишки гордо отказались: они почему-то не влюбились этого человека, который так усердно прислуживал своему голубому автомобилю.

Вообще-то Валерик и его товарищи — самые осведомленные жильцы нашего дома. Но молчи их не интересуют. Они не следят за тем, кому привезли из мебельного магазина новый шкаф или кто из соседей сшил себе новое платье. Зато они первыми узнают, что в квартиру номер три въехала тетя Валя, которая работает на Внуковском аэродроме и лично знакома с летчиком Сапельником. Константин Сапельник, как известно, был одним из пилотов на том самом самолете, на котором Никита Сергеевич Хрущев совершил свою поездку в США. А за ней Валерик следил с огромным вниманием.

перестали развешивать там выстиранное белье.

Нет, это не красная выдумка детского писателя, а факт: ребята наши стали реже играть в войну, — они летают на Луну, и на Марс, и еще гораздо дальше от Земли и от своего московского дома. В космосе, пожалуй, уже не осталось места, где бы не побывал мой сосед Валерик.

Ну, а уж если сражаться, то глубоко справедливые, освобожденные!.. В канун Октябрьского праздника ребята, конечно же, без конца «брали» Зимний дворец. Они взбирались на полинявшую от времени кирпичную стену и из сада, превращившегося в время в Неву, раздавались залпы «Авроры».

Накануне праздника Валерик помогал дворнику дяде Семену украшать наш дом. Дядя Семен держал лестницу, а Валерик укреплял дерево знаменами в металлических гнездах. Зная развешивать на ветру и словно обнимало мальчика алым полотнищем.

6 ноября семилетняя сестренка Валерика Майна вступила в октябрь. Я слышал, как брат старое впускал ей на кухне.

(Окончание на 2-й стр.)

Москва, 7 ноября 1959 года. Чехословацкие гости приветствуют демонстрантов.

Фото А. Лидова

Кукуруза и... математика

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

мире. Имя талантливого селекционера с уважением произносится везде, куда проникли знаменитые его буквинские гибриды. Что и говорить: оцибса «пророк» из Сельскохозяйственной академии, Хватило Василию Евсеевичу времени на то, чтобы стать видным селекционером. И будем надеяться, еще на очень многое хватит ему времени и сил.

Судьба Василия Козубенко наталкивает на серьезные размышления. В то время, пока он успешно создавал и внедрял в производство новые ценные сорта, многие его коллеги топтались на месте, ничего не давая стране. Да что там отдельные селекционеры! Целые опытные станции, даже институты годами не создают новых сортов. Заговорите на эту тему с селекционерами, и вы опять услышите о селекции — искусстве, об интуиции, счастье, удаче. Не везет, дескать, воложкам и владимирцам. Что поделаешь?

Так ли это? Талант и интуиция создали славу Вильморенов и Бербанка. Но ведь семья Вильморенов занималась селекцией в XIX веке, расцвет творчества Бербанка тоже относится к прошлому столетию. С тех пор биология обогатилась огромными научными достижениями, родилась генетика — теоретическая база селекции. Можно ли по-прежнему опираться селекционный процесс только на зыбкую почву личных качеств специалиста? Ведь умение варить сталь и проектировать здания — тоже в известной степени дело личного таланта сталеваров и строителей. Но что было бы, если бы успехи нашей индустрии основывались не на достижениях науки, а лишь на таланте отдельных мастеров?

БОЛЬШУЮ народнохозяйственную задачу решают сейчас отечественные кукурузоводы. Поднять урожай кукурузы, продвинуть эту ценную культуру в новые районы — значит помочь стране решить проблему кормов, главную проблему животноводства. А высокие урожаи кукурузы можно получить, только засеяв поля гибридными семенами. Американский фермер, президент компании по производству гибридных семян кукурузы и большой знаток этой культуры, Росуэлл Гарст, посетив СССР, отметил, что внедрение гибридов, на которое в США потребовалось пятнадцать лет, в Советском Союзе проведено всего за три года. Многозначительное признание! И дей-

ствительно, в нынешнем году гигантская территория почти в десять миллионов гектаров — половина площадей под кукурузой в СССР — засеяна гибридными семенами. Это дополнительно принесло нашему хозяйству не один миллион центнеров зерна.

В колхозах и совхозах страны продана огромная работа. А селекционеры? Велик ли их вклад в это важнейшее дело? Думается, он недостаточен. За последние 5 лет селекционеры рекомендовали производству всего 10 новых гибридов, но большинство из них (кроме созданного Козубенко «Вукозубинский-3») имеет крайне ограниченный ареал распространения.

Думается, просчеты селекционеров тут не случайны. Ремесленничество, присущее еще многим из них, мстит за себя. В селекционных учреждениях недостаточно изучается биохимия гибридов, физиологическая сущность «тест-розов». Лаборатории гетерозиса только-только начинают появляться в наших институтах.

Селекционерам до крайности нужны также биохимические, физиологические, технологические лаборатории. Выдающийся краснодарский селекционер Василий Степанович Пустовойт, благодаря необычайно высокой маслянистости выведенных им сортов подсолнечника, подаривший нашему хозяйству за последние годы многие миллиарды рублей, достиг своего поразительного успеха, опираясь прежде всего на хорошо поставленные биохимические исследования.

НО ОДНУЮ лабораторию, как бы она ни была хороша, для селекционера мало. Процесс переноса генов требует вмешательства в самые глубокие жизненные отправления организма. Законы жизни могут быть постигнуты только комплексом наук с помощью хорошо оборудованных лабораторий. Между тем в большинстве селекционных учреждений такого комплекса нет и в помине. Даже в крупнейшем Селекционно-генетическом институте имени Т. Д. Лысенко в Одессе нет до сих пор биохимической и физиологической лабораторий. Новейшие достижения биологических наук поэтому медленно, скупо проникают в селекционное дело.

Научному творчеству в селекции мешает также разобщенность, царящая между исследователями. В нынешнем году Одесский селекционно-генетиче-

• Биологическое явление, благодаря которому гибриды в первом поколении дают вспышку жизнеспособности и урожай.

ский институт передал в государственное сортоиспытание, то есть, по существу, передал государству, как итог своего труда, гибрид кукурузы, полученный от скрещивания сортов «Гришеская» и «Стердент». А ведь стоило одеситам поинтересоваться работой своих соседей на Всесоюзного научно-исследовательского института кукурузы, расположенного не так уж далеко — в Днепропетровске, и они узнали бы, что межсортовой гибрид, на который они затратили несколько лет, уже создан днепропетровцами, создан и... забросан как непригодный к производству.

А кишиневские селекционеры из Молдавского сельскохозяйственного института, из-за такой же ничем не объяснимой неосведомленности, предложили производству другой гибрид, который, как выяснилось, уже создан на Кубани и уже два года как приносит урожаи в колхозах Краснодарского края.

Вот из чего складываются порою десятилетия бесполезного, непродуктивного труда селекционеров. А ведь предупредить растрату драгоценных интеллектуальных сил было совсем нетрудно. Разве прямая обязанность Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени В. И. Ленина не состоит в том, чтобы координировать усилия селекционных учреждений?

Есть, думается мне, еще одна важная причина, мешающая селекции стать более научным и одновременно более массовым родом творчества. Как нигде, мало здесь молодежи.

И начал свой рассказ с судьбы замечательного селекционера Василия Козубенко. Сейчас Василий Евсеевич переехал из Черновиз в Харьков. На Буковине он оставил добрую память о себе, как об ученом и человеке. Оставил и свою чудесную зубоидную кукурузу-3135, дающую на 10 центнеров больше зерна с гектара, чем местная «Бесарабка». Но оставил ли Козубенко на Буковине ученика, продолжателя, способного с таким же успехом создать новое и улучшить старое? Нет.

Такой же вопрос можно было бы задать десяткам наших селекционеров. ...Я назвал свою корреспонденцию «Кукуруза и... математика». Но дело, конечно, не в одной математике. Весь комплекс наук должен служить селекционеру, дабы сама селекция все более становилась наукой. Это проблема, за которой стоят миллионы дополнительных центнеров хлеба, мяса, овощей, фруктов. Проблема, которая неотделима от борьбы за изобилие.

ХАРЬКОВ

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ

Неделя узбекской литературы, состоявшаяся недавно в Таджикистане, стала заметным явлением в культурной жизни республики. Тепло, как старых знакомых, приветствовали рабочие, колхозники и интеллигенция своих таджикских друзей — писателей В. Захидова, Аскада Мухтара, К. Мухаммади, Рамаза Бабаджана, Тураба Тула, С. Бородина.

В Таджикиском академическом театре драмы имени Лахути состоялась встреча гостей с общественностью столицы. Здесь присутствовали передовики промышленности и сельского хозяйства, члены бюро ЦК КП Таджикистана, первый секретарь ЦК КП Таджикистана Т. Ульджабаев.

Интересный литературный вечер состоялся в Таджикиском государственном университете. В Доме культуры колхоза имени Ленина Сталинабадского района послушали произведения узбекских и таджикских писателей собралось более 1 500 колхозников.

Гости побывали также в Вахтской долине, где встретились с колхозниками крупнейшей сельхозартели Курган-Тюбе, славящихся рекордными урожаями хлопка. Узбекские литераторы ознакомились со строительством крупного коврового комбината. Они посетили колхоз «Москва», Ленинадский шелкокомбинат и другие предприятия.

Правление Союза писателей устроило заседание по творческим вопросам. Председатель правления Мирзо Турсун-заде поделился мыслями о развитии современной таджикской поэзии и прозы. Обсуждая актуальные вопросы взаимосвязи братских литератур, узбекские и таджикские писатели говорили о создании совместных фильмов, издании общих сборников очерков и рассказов о героях семилетия, о переводах, о совместной поездке по стройкам семилетия.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Арестов В. Избранное. Курское книжное издательство. 689 стр. 30 000 экз. 12 руб. 35 коп.

Варенин Б. Творимая легенда. Повесть. Тульское книжное издательство. 128 стр. 15 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Гречи А. Семь песен радуги. Стихи. Первое издание. 10 000 экз. 5 руб. 70 коп.

Лемонтова Н. Стихотворения. Предисловие М. Светлова. Гослитиздат. 112 стр. (Библиотечка советской поэзии). 10 000 экз. 2 руб. 80 коп.

Матросов А. Матросское море. Стихи. Военгиздат. 69 стр. 1 руб. 50 коп.

Нурт З. Память сердца. Стихи и поэма «Письмо к незнакомой». Перевод с татарского В. Кузнецова. Казань. Татарское книжное издательство. 58 стр. 8 000 экз. 65 коп.

Семенов Г. Летчик. Роман. «Молодая гвардия». 528 стр. 75 000 экз. 10 руб. 20 коп.

Титов А. Люба Кострова. Поэма. Петрозаводск. Государственное издательство Карельской АССР. 54 стр. 2 000 экз. 1 руб. 20 коп.

БЫТЬ НА УРОВНЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Собрание ленинградских писателей-коммунистов

СОСТОЯВШЕЕСЯ недавно собрание писателей-коммунистов Ленинграда, посвященное очередным задачам партийного просвещения, вылилось в большой принципиальный разговор об идеологической работе, о конкретных явлениях литературной жизни, о поисках нового в деятельности писательских организаций.

Докладчик — секретарь партбюро Н. Луговцов — особо подчеркнул, что каждый писатель должен быть на уровне своего великого времени. Однако, отметил он, у нас появились произведения, свидетельствующие о том, что идеологическое хозяйство авторов не в порядке.

На собрании шла речь об ошибках поэтических отделов ленинградских и московских журналов, о безобразности статьи И. Крымовой «Тысячи тонн словесной руды», помещенной в «Литературной газете», об очерке Н. Михайловского «Здравствуй, Суоми» («Нева», № 8), написанном с объективистских позиций, о необходимости давать отпор чуждым идеям, просачивающимся к нам через иностранные кинофильмы... Однако центральное место в ходе собрания заняло обсуждение рассказа С. Воронина «В родных местах», опубликованного в журнале «Нева».

Нет надобности пересказывать это произведение. О нем достаточно подробно говорилось в статье «Литературной газете» от 27 октября с. г., как о рассказе, содержащем попытку моральной реабилитации изменника-власовца, скрывающего свое предательство.

Как оценили рассказ ленинградские писатели?

— С. Воронин выступил с неудачным, как мне кажется, ошибочным произведением. В замысле рассказа лежит идея ложного, а не пролетарского гуманизма (Н. Луговцов).

— Как солдат — не понимаю, каким образом писатель мог создать такое произведение. Как критик — думаю, что автор попытался доказать недоказуемое (Ю. Константинов).

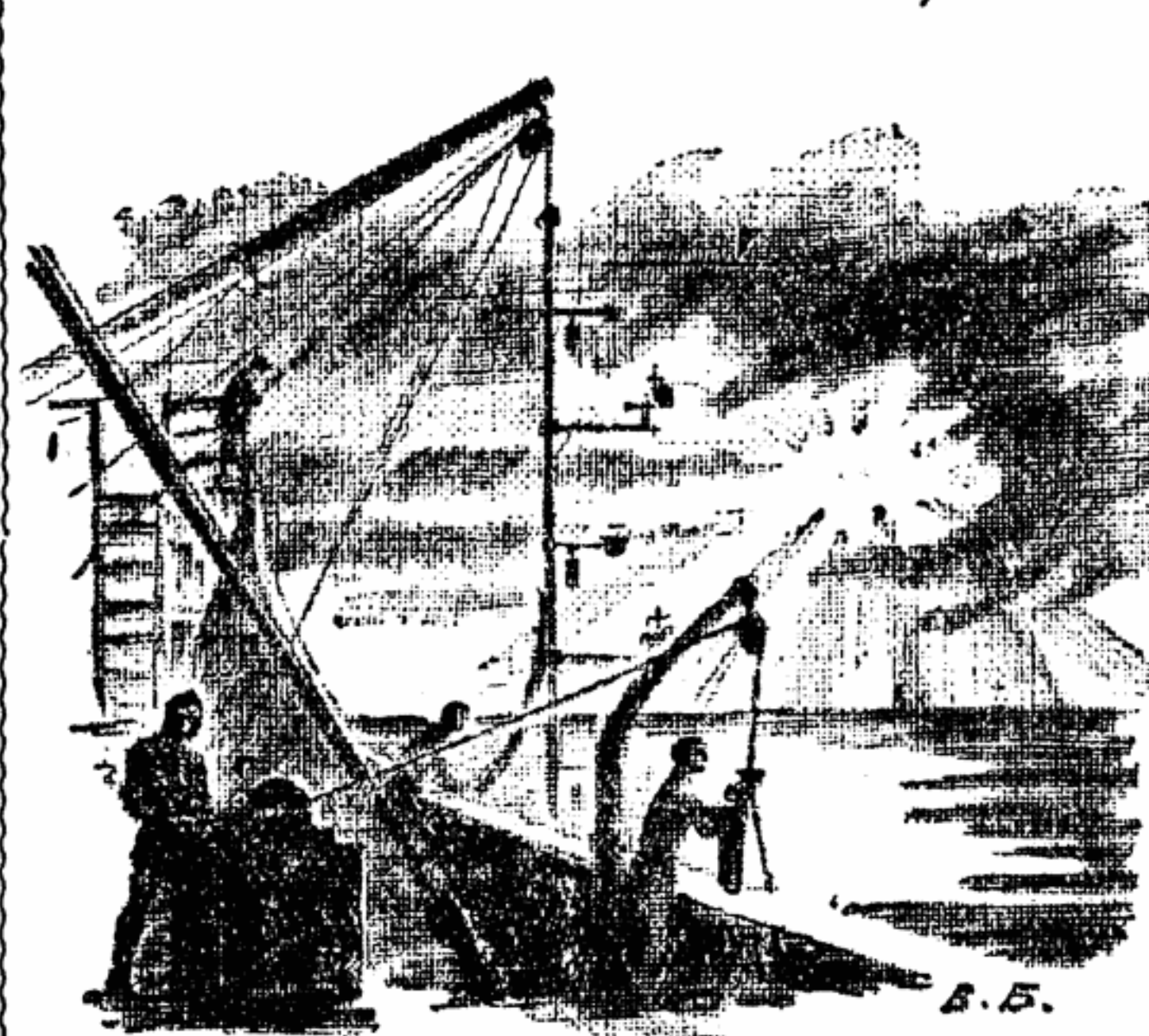
— Нам рано разоружаться. На таких рассказах, как у Воронина, нельзя учить молодежь. Мы должны воспитывать и подрастающее поколение ненавистью к предателям (Д. Гранин).

— Рассказ «В родных местах» бесспорно ошибочный. Он наносит прямой вред нашему делу. В основе рассказа — ложная идея всепрощения, она не воспитывает, а демобилизует читателя (А. Дымшиц).

Может быть, не следовало так подробно останавливаться на рассказе С. Воронина. Ведь как будто все ясно. Писатель выступил с ошибочным произведением. Как справедливо говорил на

А. ВАСИЛЬЕВ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

В АТЛАНТИКЕ, ПОД СОВЕТСКИМ ФЛАГОМ

СОРОК дней солнце — вверх, четкая линия горизонта — во круг, и океан, то тихий, присмиривший, то беспокойный, тревожный океан — внизу.

Сорок суток длился переход экспедиционного судна «Михаил Ломоносов» от Нью-Йорка до Дакера. И почти все это время мы не видели ни земли, ни корабля, ни самолета. Да откуда им взяться? Путь наш от Антильских островов до Африки пролегал в стороне от проторенных морских дорог.

Атлантика пощедилась на нас. От двух тропических циклонов, названных американскими синоптиками «Грация» и «Ханна», которые чуть было не захватили нас в конце сентября у берегов Америки, «Михаил Ломоносов» успел уйти, а по пути к Африке они нам не встретились.

Размеренно текла на судне жизнь, поделенная на ходовые вахты, работу в лабораториях и часы отдыха. Через каждые сто миль судно останавливалось, ложилось в дрейф.

Гидрологи, биологи, геологи заняты сбором проб из океана. На судочных буйковых станциях с помощью новых советских самопишущих приборов, подвешенных к автономному бую, были дополнены и уточнены новые данные о мощном противотечении, проходящем под Гольфстримом, уточнены сведения о характере Экваториального течения.

На 36-е сутки плавания от Нью-Йорка перед островами Зеленого Мыса мы достигли восточной окраины морской пустыни. Изменился цвет океана. Поблекла синева, вода приняла зеленый оттенок. Богаче стали лова планктона, вновь появились летучие рыбы, акулы, кальмары.

К концу сороковых суток в пилотной дымке горизонта появились берега Африки. Земля!

Проплыл с левого борта Зеленой Мыс — западная оконечность черного материка — с бесконечными постройками какого-то монастыря на вершине. Остался за кормой пустынный островок, обрамленный кружевом прибреж. Судно обогнуло мыс. Вот еще маленький островок — остров Горз. Видны домики среди пальм и баобабов, полуразвалившиеся здания, старый форт с бойницами. Дакер! Африка!

Н. БОЛОТНИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Рисунки участника экспедиции заслуженного деятеля искусств РСФСР В. Бибинава

ПРОШЛОЙ зимой я познакомилась в Архангельске с молодой учительницей истории. Я расспрашивала ее о школе, об учениках, о товарищах по работе. Она отвечала неохотно и оживилась, когда разговор перешел на другие, не связанные со школой темы.

— Неужели у вас в школе совсем нет ничего интересного? — спросила я наконец.

— А что может быть интересного? — удивилась учительница. — Работаем, как обычно. Есть у нас одна такая... Вера Николаевна. Вот ей кажется, что она необыкновенно работящая занята. А на самом-то деле... панibrатство одно.

— Что же она делает, эта Вера Николаевна? Какой предмет преподает?

— Математику она ведет. И руководит девятым классом. У насный класс — недисциплинированный, занимающиеся никто не хочет. Правда, в последнее время получше стал. Но только она, по-моему, неправильно работает.

— Почему же неправильно, если ребята стали лучше?

— Ну, разве это метод — по воскресеньям вместе с учениками с горы кататься? И собрания у них какие-то, не как у всех, и разговоры... Дешевый авторитет завоевывает!

На следующий день я пошла в школу — искать Веру Николаевну, которая «завоевывает дешевый авторитет».

— Очень интересная работа ведется в девятом классе, — сказал мне завуч. — Познакомьтесь с руководителем, не пожалеете. У нас не все, правда, Веру Николаевну признают...

Вера Николаевна оказалась худенькой бледной девочкой — трудно было поверить, что ей двадцать три года и что она учительница. Глядя на меня с плохо скрытым испугом и недоброжелательством (сколько раз так же смотрела на чужого человека, пришедшего в класс, — кто его знает, с чем пришел и что из этого выйдет), она рассказала скучным, официальными словами о том, что нарушенный дисциплины в классе стало меньше, а общественно полезных дел — больше, что процент успеваемости повысился...

— Ну что ж, пойдемте в класс, — предложила она неохотно. — Как раз уроки кончатся, у нас будет десятиминутное собрание — мы ежедневно такие устраиваем.

Каждый учитель волнуется, когда в его класс приходит посторонний человек. И ученики тоже волнуются. Но далеко не во всех классах чувствуешь то тесное единство учителя с учениками, которое я сразу ощутила, войдя

Если тебя любят ученики...

за Верой Николаевной в ее девятый класс... Собрание было короткое. — День прошел благополучно, — отработовала староста. — Двоек нет. На биологию вели себя хорошо, на литературе тоже. На историю кое-кто разговаривал — сами скажут, кто. На тригонометрию, как всегда, вели себя отлично!

Надо было слышать, с какой гордостью произнесла она это «как всегда!» Ведь тригонометрию преподает Вера Николаевна!

Потом встал высокий широкоплечий парень. — Это я на историю разговаривал, — сознался он и с грустью посмотрел на учительницу. Она не потребовала дневника, не сделала замечания; она только вздохнула, не глядя даже на ученика, и он опустил голову.

После собрания я сказала Вере Николаевне: — Очень мне понравились ваши ребята!

— Да?! — воскликнула она. Ее лицо сразу перестало быть испуганным, и она спросила совсем по-детски, улыбаясь тоном: — Ведь правда, они меня слушаются?

Потом я долго разговаривала с девятиклассниками. Они рассказывали о Вере Николаевне, перебивая друг друга, вспоминая бесконечные детали из жизни класса.

И в каждом слове ребят о своей учительнице чувствовалось уважение и любовь — здесь не было и тени панibrатства.

— Я раньше последний двоичник был, — сказал один из мальчиков, — а теперь вот — комсорг класса, троих не имею, две благодарности получил. А все Вера Николаевна!

Почему же так необидительно, даже зло отозвалась о Вере Николаевне учительница истории? Почему, по словам завуча, не все признают ее работу? Почему, наконец, сама Вера Николаевна была так обеспокоена моим приходом в класс и так обрадовалась, что мне понравились ее ученики? И откуда взялись совсем не применимые к деятельности Веры Николаевны обидные слова-ярлыки: «дешевый авторитет», «панibrатство»?

То, что происходит сейчас в школе, — огромный по своему значению процесс ломки и становления. Меняются программы, формы и методы обучения, вводится обучение от практического труда, от жизни, схематичность и формализм в преподавании — все это уходит в прошлое. В той новой школе,

которая растет сейчас, большое место отводится творчеству учителя, освобожденного от канонических, скрывающих творческую индивидуальность учителя форм ведения урока. И мы много спорили — на педагогических советах и в печати, на многочисленных конференциях и просто в учительской. И, пожалуй, мы пришли к общему взгляду на многое множество вопросов: на труд, на спорт, на кружковые занятия, на взаимоотношения семьи и школы...

Но до сих пор мы стыдливо умалчиваем об одном из самых, я бы даже сказала, самом важном вопросе, стоящем сейчас перед школой. И до сих пор среди некоторой части учителей существует уверенность, что любовь учеников к учителю — это дешевая популярность, ложный авторитет, панibrатство!

Дружба со взрослым нужна ребенку любого возраста. Еще совсем маленьким он испытывает потребность поделиться с матерью или отцом тем, что увидел и пережил во дворе, на улице, в детском саду, потом — в школе. Восемью-девятилетий человек уже хвастается перед товарищами: «А у нас, знаете, какая учительница! Ей можно все рассказывать!» Но если для малыша дружеское общение с учителем — удовольствие и радость, то для подростка — это острая необходимость.

В двенадцать-тринадцать лет (иногда старше) человек замыкается в себе, перестает быть открытым с родителями, особенно с матерью, если это сын, растущий без отца. И в то же время как раз в этом возрасте формируется характер человека. Ему необходима помощь взрослого, он ждет ответа на самые важные, самые волнующие вопросы — о жизни, о труде, о любви. Кто, как не учитель, должен любить им другим в этот период формирования характера?

Добиться детской дружбы не так-то легко. Дружба эта возникает только там, где есть абсолютная уверенность в учителе, в его справедливости, в том, что он ответит на любой вопрос, не о бинном Ньютона — о жизни; поможет разобраться во всех сложностях человеческих отношений и чувств, не побоятся признаться, что и он, учитель, чего-то не знает...

Добившись такого доверия и такой дружбы, учитель может стать подлинным воспитателем — не тем, кто числится в списках классовых руководителей, а тем, кого почитают и любят дети, — учителем жизни.

Это ведь и есть главное в нашей работе — учить жизни. Там, где нет

любви учеников к учителю, где нет дружеских разговоров и открытости, где нет уважения к учителю как к старшему товарищу, — не только как к наставнику, — там может существовать лишь внешне спаянный коллектив.

Молодая учительница истории, обвинившая Веру Николаевну в панibrатстве, не виновата. Она услышала это слово от других учителей — старших, более опытных — и поверила им. Поверить оказалось легко: ведь если ты, что делает Вера Николаевна, нехорошо, значит надо работать с детьми иначе — не добиваясь их дружбы, доверия, любви. А так — проще. Так не надо тратить душевных сил, сомневаться, искать, совершать ошибки... Так можно работать с детьми, как с архивными документами: отсидеть пять, восемь, десять часов — и забыл: с глаз долой, из сердца вон!

Какая работа не приносит удовлетворения. Она скучна, в ней нет искания, нет борьбы, нет творчества. Отсюда и убеждение учительницы: ничего интересного в школе нет! Возникает неуважение к школе, к детям, к своему предмету. И приходит учитель в класс, как чиновник в департамент, — без горения, без страсти, без души. А дети это чувствуют. Дети разговаривают, не слушают своего учителя, не учат уроков. А нужно выставлять отметки. И учитель начинает уговаривать, упрямиться то Колью, то Машу выучить хоть несколько правил, решить хоть одну задачу. Он роняет свой авторитет и свое достоинство в погоне за стопроцентной успеваемостью — возникает настоящее панibrатство. Но учитель не замечает этого: ему кажется, что он строг, не допускает излишней близости с детьми, хранит свой авторитет...

Я знаю таких учителей — у них легко учиться: всегда можно выслать отчетку, переосмотреть, зачеркнули двойку... Но эти учителя не любят детей. Детская любовь неподкупна. И никогда не добьется ее нетребовательный учитель, действительно панibrатствующий учителям, как никогда не добьется учитель-формалист.

Но почему упреки в панibrатстве, в занисаниях перед учениками должны выслушивать те учителя, которые пользуются подлинным авторитетом: авторитетом любви, доверия, а не страха, авторитетом, рожденным общением с детьми и интересами?

Дело не только в том, что эти слова незаслуженно обижают. Они приносят вред. Вера Николаевна начинает

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Хорошо сказано! Солнце не делится, как не делится большая земная правда. Человек, предавший то, о чем он мечтал на войне, снимается со счетов настоящей жизни. И снова идеалы фронтового содружества выступают как высшая моральная мера.

В книге «Голос первой любви» далеко не все стихотворения хороши, но можно смело сказать: давно Сергей Орлов не писал таких значительных стихов.

Основным героем большинства его книг («Поход продолжается», «Городок», «Светлана») был простой человек — труженник. Образы этих людей создавались и сердечно, и умело. Но книги все же представляли собой главным образом галерею портретов, были, если попытаться перейти на язык сравнений, скорее собраниями эскизов, чем законченными полотнами. Почти не было больших обобщений, большой, напряженной, беспоконной мысли.

В последней книге поэта найдена возможность такого обобщения, без которого нельзя проникнуть в суть явления, без которого удачная зарисовка остается лишь удачной зарисовкой, а мало значительным фактом, каким сочувствием его ни окружай, остается тем же малозначительным фактом. Но это далеко не конец поисков. Найденная мера человеческих дел и характеров, мягко говоря, далеко не универсальна. В «Голосе первой любви» немало обаятельных, но, прямо скажем, мелочавых стихов, есть и то, что называется беспредметной грустью. Отсутствие глубокой мысли не позволило стать явлением большой поэзии и стихотворению об одинокой женщине («На Волжском Гнездиновском»), и симпатичному стихотворению о старом снимке, и лиричному, но довольно-таки банальным по мысли стихам «Над тихими столиками районов...».

Примеры можно умножать, но главное не это. Главное — настоящие напоминать талантливому поэту Сергею Орлову о необходимости больших поисков. Особенно настоящих потому, что, во-первых, он уже начинал эти поиски, а во-вторых, во многом подготовил себя к большим открытиям тем, что долгие годы был верен образу простого человека, его судьбе и характеру. Путь к большим поэтическим обобщениям лежит именно через изображение жизни, дум и чаяний «смертного» героя, а не через игру одушевленными идеями. Так, образы книги В. Луговского «Жизнь», может быть, слишком «общечеловеческие», получили в «Середине века» подлинно жизненное наполнение только благодаря тому, что поэт прошел через «Волшебников пустыни и весны», через постижение собственной судьбы как живой частицы судьбы народа. И Твардовский без этого не смог бы прийти к глубокому лирическому раздумью в книге «За далью — даль».

Как было бы хорошо, если бы все это не оказалось домислом и Сергей Орлов в скором времени смог бы, наконец, написать книги, своей глубиной, яркостью и даже свежестью превосходящие его «Третью скорость».

Ст. РАССАДИН

Случай с пьедесталом

Рис. В. СОЛОВЬЕВА

ФРАНЦУЗСКИЕ СКАЗКИ

Новая, превосходно изданная книга, только что вышедшая в Москве, еще больше расширяет наше представление о современной детской и юношеской французской литературе. Издательство иностранной литературы выпустило одноименный сказок, написанных известным общественным и политическим деятелем Кристианом Пино, одним из лидеров социалистической партии и бывшим министром иностранных дел Франции.

В сборник, вышедший под редакцией К. Северовой, входят две книги сказок Кристиана Пино — «Неведомо когда...» и «Перышко и лосось». В книге 26 сказок, переведенных Е. Бабуи, С. Рудник, В. Мартыновым, Л. Лежневой, С. Викторовой, Н. Подгоричанин, О. Волковым, И. Тихомировой, Г. Велле.

С историей на «ты»

В 8-й КНИЖЕ журнала «Октябрь» за 1959 год опубликована статья

ОБ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЗАПИСИ

под названием «Чеховские роли». Над заголовком указано имя автора: О. Кинипер-Чехова. На последней странице мелким шрифтом значится: «Литературная запись Анны Илупиной».

Мы читаем своим долгом сообщит читателям, внимание которых, естественно, может привлечь эта статья, что редакция журнала «Октябрь» в данном случае была явно введена в заблуждение.

Нам известно, что А. М. Илупина действительно посещала народную артистку СССР Ольгу Леонардовну Кинипер-Чехову и беседовала с ней о ее ролях в пьесах А. П. Чехова. Мы знаем также, что О. Л. Кинипер-Чехова, ознакомившись с «литературной запиской» А. М. Илупиной, категорически отказалась не только авторизовать ее как свою статью, но даже издать ее как точную запись беседы (свидетельство С. И. Баллоной, которая лично сообщила об этом А. М. Илупиной).

Таким образом, А. М. Илупина не имела никакого права передавать для печати свою «записку» под именем О. Л. Кинипер-Чеховой. Редакция же журнала «Октябрь» напечатала ее, по-видимому, не проверив происхождения и подлинности публикуемого материала.

Мы вынуждены выступить в защиту имени О. Л. Кинипер-Чеховой, которую мы близко знали, так как «литературная записка» А. М. Илупиной искажает ее творческий облик, а в ряде формулировок и творческий метод художественного театра.

Всякий, кто знаком с подлинными высказываниями и воспоминаниями О. Л. Кинипер-Чеховой, легко отделит в публикации «Октябрь» действительные приращения ее мысли и сообщения фактического характера от эстетических обобщений, нравоучительных сентенций и пышной фразеологии автора «записки». Приведем несколько примеров.

Вот характеристика отношений Маши и Вершинки в «Трех сестрах»: «Ныне Маша и Вершинка показывают на сцене как любовники... Мы трактуем все это совсем иначе. Для Маши Вершинка не любовник. То есть, может быть, и он (!). Но не в этом дело. Он свет. Он радость. Такая радость, которую ничем не утратишь. Когда чувство так долго прятается, когда оно зреет подспудно, когда до последней возможности удерживается внутри, то наступает такой миг, в который плоть прорывается, чувство затопляет все и летит стремительно, летит в неведомую даль, и плещет, и играет на солнце, как река в половодье... Мне казалось, что вот сейчас Маша и Вершинка обнимутся и пойдут так, обнявшись, по городу (!), начнут, как дети, бегать до холодного года (!), никого не видя, ни на что не глядя, не устывая и не останавливаясь».

Вот еще, выбранные наудачу, образчики неряшливых «отсебятин» автора «литературной записки»: «Излученная, но живучая женщина, мягкая, хорошая душа, Ренева была мне дорога и любима, как родной и близкий человек»; или: «...Елена верна себе. Верна даже тогда, когда кажется, что она совсем не может владеть вся полнотой вспыхивающей мечтой»; «... право, как бы хорошо и весело было сдаться в лесничестве... И когда она берет себя в руки и в душе снова все идет по несгибаемому внутреннему рельсам (!)» — вот тогда, в самом конце, она сама обнимает Астрова, но так, что знает: за этим объятием уже ничего, ничего не будет».

А вот примеры мнимых «авторских отступлений», примечательных своей фальшивой, истинно антикиллеровской и античеховской интонацией: «И действительно, никогда я не знала, куда приведет меня работа над ролью. Может быть, поэтому так труден для меня даже такой — несистематизированный, разбросанный, «импрессионистический» — рассказ об этой работе. Но «вперед, вперед, моя история!», буду уж, как умело, продолжать о Реневаской. Или еще: «Я же смогу вам поведать лишь о частностях своей работы...», «Но я лишь себя надеждой, что мой рассказ послужит артистической молодежи...» и т. д. и т. д.

Как известно, Ольга Леонардовна умела говорить и писать о своих чеховских ролях своеобразно и проникновенно, с необыкновенной искренностью и тонкой поэтичностью, близкой к Чехову. Она никогда не пользовалась при этом ни избитыми псевдолитературными штампами, ни громоздкими придаточными предложениями плохого стиля. Она не унаследовала свои статьи читателями из Паскаля и Байрона или обширными выписками то из режиссерских партитур К. С. Станиславского, то из критических статей Н. Е. Эрзерова. И уж во всяком случае Ольга Леонардовна не могла подписать сочинения, в котором К. С. Станиславский якобы обращается к ней, актрисе Художественного театра, в таком панбаритическом вулгарном тоне: «Голубушка, не обижайся ты, пожалуйста, но только никогда не суйся в политические роли». Кстати сказать, К. С. Станиславский ни с кем из труппы Художественного театра не был «на ты».

Она не могла назвать «Леонидом Микхайловичем» одного из своих ближайших товарищей по сцене — Леонида Мироновича Леонидова. Все это, как и много другое, принадлежит не О. Л. Кинипер-Чеховой, а А. М. Илупиной, автору «литературной записки».

Необходимо вернуться оградить память выдающихся мастеров нашей культуры от подобной предпринимчивости. Заслуженный деятель искусств РСФСР профессор П. МАРКОВ, заслуженная артистка РСФСР С. ПИЛЯВСКАЯ, кандидат филологических наук Елизавета КОНИНА, директор Музея МХАТа Ф. МИХАЛЬСКИЙ, заслуженный деятель искусств РСФСР В. ШВЕРБОВИЧ, заслуженный деятель искусств РСФСР профессор И. РАВЕНСКИЙ, С. БАКЛАНОВА, народный артист РСФСР и Лит. ССР Василий ОЕЛОВ, кандидат искусствоведческих наук В. ВИЛЕНКИН

ВЫШЕЛ одноименный Сергей Орлова, подготовивший 20 лет его работы в поэзии. Но вряд ли следует писать юбилейную статью. Творческий путь поэта, как говорится, «на подъеме», и лучшие вещи его, вероятно, будут еще написаны. Интереснее поговорить о стихах Орлова, составивших последнюю его книгу «Голос первой любви».

Здесь стихотворения очень разные — и по тематике, и по настроению, и по качеству. Особую группу и даже ядро книги составляют «военные стихи».

Полк гвардейский, Мгинский, тридцать третий — жаркая планета средь планет Юности моей на белом свете. Памятней ее, пожалуй, нет.

Что со мною делают ракеты. Шлюют воспоминания сюда. Я стою в бесшумных вспышках света. А вокруг меня режут года.

...Замерло на площади даivanje, Город праздник над землей зажег, И идут ко мне стихотворенья В шлемах, в кирзе с головами до ног.

Военная тема вновь заняла Орлова. Принимаем его книгу «Третья скорость», вышедшую тринадцать лет назад. Отдельные стихи ее стали хрестоматийными:

Его зарыли в шар земной, А был он лишь солдат, Всего, друзья, солдат простой, Без званий и наград. Ему, как мавзолей, земля — На миллион веков...

В те годы в печати появлялись новые имена — имена поэтов, для которых война стала первой и надолго основной темой. Читатели впервые узнали мужественные ритмы солдатских стихов Михаила Луконина. Постепенно оживлялись от книжности, приобретала бесыскуственную, суровую правдивость лирика Семёна Гудзенко. Идиллические, а потому сами очень спорные стихи Бориса Слуцкого. По-своему писали о войне Алексей Недогонов, Сергей Наровчатов, Александр Сергеев.

Среди этих молодых поэтов особое место занял Сергей Орлов. Его стихи о великой войне были наиболее романтически, даже патетичны. Это не «кипильниковская» романтика, порожденная книжным представлением о войне, а именно патетическая романтизация повседневного героизма. Обычные образы, даже просто впечатления войны приобретали у Орлова особое значение, поднимались до почти символического обобщения, обобщения не столько логического, сколько экспрессивного.

Этот пафос делал естественными самые смелые исторические сопоставления. Герои стихов Орлова выглядели былинными богатырями, воинами «Слова о полку», танкисты сравнивались то с латниками Александра Невского, то с гоголевскими запорожцами. Тут не было хулиганств, — и это удалось поэту главным образом не за счет мастерства, а за счет тесного знакомства с войной, в чье пекло он попал двадцатилетним юношей. Ранние стихи Орлова посвящены погодкам, с которыми он на «ты».

Характер стихов определяло сознание великой миссии советского солдата, но было тут и чисто юношеское, «романтическое» восприятие суровых будней войны. В самом деле, в этих стихах Орлова много юношеского не только в их задоре, молодом пафосе, но и в откровенном предположении чувства — мысли, эмоциональных обобщений — размышлениям о войне.

...Пускай в сторонку удалится критик: Поэтика здесь вовсе ни при чем. Я, может быть, какой-нибудь эпитет — И тот нашел в воронке под огнем.

В этой поэтической (но направленной против «поэтики») декларации, в определении

Сергей Орлов. «Голос первой любви», «Советский писатель», Ленинград, 1958. Стихотворения 1938 — 1958. Гослитиздат, 1959.

делении «корявые, но жаркие слова» не было литературного юнчества. Но не было и всей правды, ибо если говорить о мастерстве ранних стихов Орлова, то при всех их недостатках они все же имели самое прямое отношение к поэзии, и к поэзии. Скорее это была полемическая завлека именно на ту самую патетическую романтизацию «простых вещей».

«Третья скорость» теперь кажется местами наивной и несовершенной, но из всех книг Орлова она наиболее ярка, наиболее «перезадана». Не случайно самые известные стихотворения поэта — из нее.

В последней книге стихи о войне — в основном лирические воспоминания о друзьях-танкистах, о боевой молодости. Прежний «медный» пафос слышен только изредка. Вот, например, торжественные строки о том, как «шестьдесят лет тому назад» у Лигва стоял насмерть советский боец:

Резерв последний полководца, Один из роты, рядовой — Как в гимне партии поется: «Ни бог, ни царь и ни герой»...

Когда же Орлов обращается к сегодняшней жизни героя, появляется подчеркнуто будничная интонация:

Он жив, он с нами рядом, вот он! И он сейчас наверняка В трамвае едет на работу, Пьет в праздник пиво у ларька.

Роль патетики изменилась. Воспоминание о военных подвигах здесь важно не столько эмоциональным пафосом, сколько тем, что оно — своеобразный критерий для определения настоящей сути обычного, как принято говорить, «простого» человека. Тот незаметный прохожий, который (о, проза жизни!) пьет пиво и едет в трамвае, оказывается, это он в тяжелом 41-м году прергал путь бронированной лавине фашистов!

Сейчас в нашей литературе все больше внимания обращается к простому человеку — живой частице народа, а не персонализированному понятию его. Не случайно ряд писателей, чтобы показать духовное богатство и силу этого «простого смертного», не всегда приметные глазу, возвращаются к войне — той войне, которую вынес на своем горбу этот герой. Думается, именно за этим вновь обратился к теме войны Сергей Орлов. Это подтверждают и другие стихи (например, «Над пирогами и борщом...»), где старая военная песня чудесно преобразуется в «мирных», буднично-преображающих людей).

Та же тема в отличном стихотворении «На даче». Это стихи о «благополучном россиянина», обывателе, который спрятался от высоких требований жизни за тесным забором. Быт его изображен убийственно:

Холодильник, Как айсберг домашний, к столу Проявлялся, Тяжелыми яствами полон, Телевизор мерцал, Насторожась, в углу, И порттеры Штандартами стались до потолка. Я не был в этом доме посуду, Не был, Я не хлопал дверями в этом доме, Не хлопал! Сам хозяин Калиткой за мной отрубил То, о чем мы когда-то Мечтали в окопах.

Поэт не присваивает себе функций администратора, даже не морализирует. Приговор предателью более жесток: вояку благоустроенной дачи шумит живая жизнь, и

День был днем, миром — мир И простором — простор, День шумел, Не привыкший сдаваться на милость, Тышей рек, бурей трав Вызывая на спор... Неделимое солнце По небу катилось...

РЕПЛИКИ

ДОПРЫГАЛИСЬ...

С помощью этих волшебных карточек — их нужно просто передавать друг другу — можно вести такой разговор:

- Хотите бывать со мной?
- Страшно хочу.
- Вы тонкий дипломат.
- Расположены ли вы полюбить меня?
- Да.
- Действуйте скорее и энергичнее.
- Будьте осторожнее, за нами наблюдаю.
- Допрыгались...

Позвольте, скажет удивленный читатель, это же «флирт цветов», давно забытая игра, отрада пошляков и обывателей. Зачем вспоминать о ней?

А вот зачем. «Флирт», о котором идет речь, не простой, а подпольный. В нем рядом с перлами, вроде: «Ревность груди мне терзает», «Как Вы умеете красиво любить», «Довольно и одного поцелуя», — кощунственно соседствуют и такие слова: Резеда. «За Родину жизнь свою от-

дам», Георгий. «Знамяство и кичливый советскому человеку». Ка м е л и я. «В Стране Советов каждый должен стремиться к героизму, отваге и любви в труде».

И этот «флирт» под названием «Игра цветков» продает рядом с школьными тетрадками в магазинах Тбилиси.

Автор игры (точнее, плагиата) предпочел остаться неизвестным, спрятавшись под маркой почтенной организации. Впрочем, читайте сами текст этикетки на коробочке: «Производственный отдел Тетрадного общества Грузии. Тбилиси, ул. Кирова, № 13. Сорт 1. Цена 5 руб. 50 коп. Тираж 43 000».

Итак, 43 тысячи ящичков Пандоры, начиненных микробами мешанкой морали, пошлости и безвкусицы, выпущены в продажу для заражения нашей молодежи.

Как пошли до этого товарищи из Тетрадного общества Грузии?

Э. ГОЛЬДЕРНЕСС

ТВИЛИСИ

ПОЧЕМУ?

Каждое событие можно описать и холодной прозой, и теплыми стихами. Краткая прозаическая аннотация сообщает: «Далекий от реалистического искусства», скульптор Эндель «болезненно переносит критику его творчества на окружающих и в рецензиях. И в личной жизни у него не все в порядке (!)»: он увлекся поразившей его женой лесника и расхотелся со своей женой Хильдой».

Изложенное языком поэзии, это драматическое происшествие будет выглядеть так:

Останься, Хильда! Милая, стой! Хильда: Не говори неправды, Эндель. Я не мила тебе.

Неправды бойся, Эндель. Без правды не бывает красоты. Вот и твои картины и скульптуры... Эндель: Оставь! Критиковать меня тебя я не просил!

И это называешь ты любовью? Сама во всем, во всем ты виновата. Хильда: Нет, виноваты оба мы с тобой. Ты не случайно от меня уходишь.

Эндель: Уходишь ты. Хильда: Нет, Эндель, ты ушел.

Знакомые ноты незабвенного Василия Лоханина из романа «И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (помните, как он расставался с Варварой?) настраивают на веселый лад. Но остерегитесь — это не пародия. Это — всерьез.

Газета «Советская Эстония» опубликовала недавно сцену из либретто оперы «На мировом берегу». Автор — таллинский поэт В. Рушник.

Потресанный прочитанным, таллинец В. Н. Васенин прислал нам письмо, полное вопросов. Присоединяемся к нему.

— Почему серьезная газета публикует столь несерьезные поэтические излияния? Как сообщается в той же газетной аннотации, жюри Всесоюзного конкурса на лучшее либретто оперы на современную тему присудило В. Рушнику первую премию. Почему? Может быть, жюри надеется, что музыка будущей оперы заглушит любой текст?

Если говорить о напечатанной в газете сцене, — эти надежды вряд ли оправдаются...

В ЧЕМ ЖЕ НОВАТОРСТВО?

Часто приходится и читать, и слышать заявления мастеров драматургии и театра о том, что они в долгу перед народом, так как еще не ответили делом — пьесами, спектаклями, большими мыслями — на требования времени. Самокритичность — вещь хорошая. Но не пора ли, разобравшись в истоках, порождающих творческую неудовлетворенность, подумать о средствах избавления от этого недуга. Ведь требования зрителя растут с каждым днем, и нынешний театральная сезон поставил перед деятелями театра чрезвычайно серьезные задачи. Можно сказать с уверенностью, что с каждым днем все более будут редеть ряды тех, кто довольствуется неприятной детективной поделкой. Надо полагать, что и вкусы особого сорта зрителей, которые увлекутся пьесами, смакующими западный образ жизни (подкупают такие спектакли обычно под видом «разоблачительных»), будут идти куда меньше значения для тех, кто руководствуется соображениями кассы.

У нас в печати и на собраниях ведутся интересные дискуссии о многообразии в искусстве, о поисках новых средств выразительности, о новаторстве. Но, увы, порой эпитетами — новаторское, оригинальное, необычное — с легкостью наделяются произведения, никак не заслуживающие подобных определений. Именно так, например, говорилось некоторыми деятелями театра о пьесе А. Володина «Пять вечеров» (я видел ее недавно в Ярославском драматическом театре имени Ф. Волкова) и пьесе начинающего драматурга А. Тверского «Рассказ одной девушки», показанной Ленинградским театром комедии.

Давайте же разберемся и посмотрим, о каком новаторстве здесь может идти речь. Для нас понятие новаторства связано прежде всего с новым содержанием, со стремлением отразить в своем искусстве заметные провинциальные взгляды художника новые черты, явления, которые ежечасно, ежeminутно возникают в нашем обществе, строящем коммунизм.

Новатор — это тот художник, который сражается на переднем крае борьбы за семилетку, находит своих героев в самой гуще жизни и запечатлевает их в образах подвиг народа, открывая всему миру духовную красоту и размах созидательной деятельности советского человека.

Есть ли такое новаторство в пьесе А. Володина? К сожалению, нет. Чем больше вникаешь в пьесу, тем больше вспоминаются те, ныне уже забытые, драматические произведения, которых на заре нашего века было в избытке. Тот же минорный тон, те же сумрачные настроения, тот же тепличный, искусственный мирок усталых чувств, нереализованных желаний, душевной неудовлетворенности.

Смотрящий спектакль «Пять вечеров» в Ярославском театре, и кажется, что за окнами квартиры, в которой герой так самоутраченно переживает мелкие тревоги и неудачи, нет могучего творческого порыва нашего народа, не прерывающегося в небе маршруты советских ракет, не ведется большая и благородная борьба за мир во всем мире.

И когда думаешь о тех пяти, пятидесяти, пятистах вечерах, которые проводят наедине со своими горестями, разбитыми мечтами, неуспешными планами, отрешенные от большой жизни, герои володинской пьесы, то становишься горько и жалко их. И очень хочется подвести их к окну, распахнуть его, показать им большой мир, открыть им всю ограниченность их желаний, их стремлений.

Но автор не делает этого. Возможно, он преследовал благую цель показать, как пагубно сказывается на душах людей вот такая отрешенность от жизни, обывательское копчение неба. Тогда в этом был бы определенный смысл. Пусть подобных людей мало, но, видимо, они еще есть, и писатель вправе сказать по этому поводу свое слово. Однако заканчиваясь чтение пьесы или уходивши после спектакля, и такого ощущения не создается.

А возможно, драматург и театр не собирались осуждать своих персонажей, считая их существование в порядке вещей, быть может, они полагали, что созерцательный, объективистский взгляд на происходящее и есть признак истинной правды в искусстве? Тогда они ошиблись очень серьезно. Объективизм и созерцательность никогда еще никого к правде не приводили.

Мы отчетливо представляем себе, что рыные поклонники А. Володина обрушатся на нас с обвинением «в прямой критике». Дескать, в пьесе талантливый, «тонкий» передатчик движения человеческих сердец, она захватывает правдой психологических решений, герои ее любят, мучаются, страдают, как это и бывает в жизни. Здесь, мол, показаны реальные, обычные люди, которые и не прядуют ни на какую значительность, необыкновенность.

Но во имя чего писалась такая пьеса, демонстративно замкнутая в кругу выключенных из большой общественной жизни персонажей? Каково же новаторство в том, чтобы проходить мимо главного в жизни и с головой погружаться в то, что ее никак не характеризует и не выражает?

Вопросы эти тем более необходимо задать, что и в другой пьесе — в «Рассказе одной девушки» А. Тверского (о ней очень точно писал в «Литературной газете» М. Алехин) — мы видим тот же уход из мира общественных проблем и вопросов в мирок узколичных и мелких чувств и настроений...

И там, и здесь герои наделены неким загадочным многозначительным подтекстом. Их кажущаяся простота далеко не проста. Они предстают перед нами в ореоле этаной неузурпации, психологической условности, за их обаятельными и ничего не значащими словами мы должны угадывать творческий, дальний план. Но что это за таинственный «дальний план», так привлекающий этих «тонких ценителей искусства»? В чем сущность образа главного героя володинской пьесы — бывшего студента-химика, ныне шофера на Севере Александра Ильина? Что мы узнаем о нем за эти пять вечеров? Почти ничего. Кроме разве того, что много лет назад он без каких-либо серьезных оснований бросил любимую профессию — химию, к которой чувствовал с самых юных лет призвание, и без каких-либо причин оставил любимую девушку Тамару. А сейчас, оказавшись в отпуске в Ленинграде, он вновь решил посетить родные

места, не зная и не ведая, найдет ли там Тамару, помнит ли она его, ждет ли?

Возможно ли такая ситуация в жизни? Конечно. Но автор может воспользоваться ею лишь в том случае, если она помогает ему раскрыть характер героя, рассказать о тех изменениях, которые произошли в его душе, показать, что именно эти пять вечеров стали переломными в его судьбе, определили его жизненную позицию.

А ведь именно этого-то в пьесе нет. Характер героя повернут к нам самой неинтересной стороной. В пьесе сообщается, что Ильин — сильный, смелый человек, хороший работник. Но всему этому приходится верить на слово — в действии, в сюжете пьесы эти качества героя никак не раскрываются.

Говорят, что достоинство «Пять вечеров» в том, что автор изображает жизнь простых, обыкновенных людей. Да, герои Володина ничем не выдающиеся, обычные — шофер, мастер на заводе, телефонистка, продавщица «Гастронома»... Но дело в том, что в действительности, в реальной жизни эти люди куда ярче, интереснее, талантливее, чем они показаны в пьесе. Ведь именно среди этих людей рождаются такие герои, как изобретатель автоматического трактора Логин, знаменитый шахтер Мамай. Это же «обычные» простые люди, но какая духовная сила, ум, стойкость характера отличают их! Это о них — о простых советских людях — говорил Никита Сергеевич Хрущев: «Нужно, чтобы об этих людях знали, видели их лучше, чтобы они были примером для всех, кто ведет борьбу под руководством Коммунистической партии за построение коммунистического общества».

Вот такой простой человек — рабочий, колхозник, партийный работник, ученый, директор, врач, художник — и должен стать главным героем нашей литературы, именно его героический образ должен вдохновлять наших драматических писателей и мастеров сцены.

Именно обращение к главным, генеральным темам нашей действительности, как нам кажется, может вывести на правильную дорогу А. Володина — молодого и бесспорно одаренного человека. И будет лучше и для него, и для отряда современных драматургов, в котором он может занять достаточно почетное место, если Володин пораньше уяснит причины своих заблуждений и обратится к настоящей, большой жизненной правде.

Очень часто можно услышать соображение о творческом течении Арбузова — Розова — Володина. Нет. Ничего общего нельзя найти между героями пьес этих драматургов. По-разному они видят жизнь и по-разному находят свое место в ней. К тому же сам принцип отражения действительности и цель, во имя которой создается произведение, у писателей совершенно различны.

В одном из своих выступлений Розов высказывает такую мысль: «Мне хочется написать героический характер юноши или девушки, я понимаю всю его могучую силу воздействия на зрителя. И читаю, слышу и знаю о героических поступках молодежи в самых различных областях жизни, но воплотить такой характер, чтобы он стал до удивления живым, все еще мне не удается. Знаю только, что это должен быть новый герой, более близкий нашей молодежи».

Н. ГРОМОВ

чем все героические образы прошлого. Герой-современник, с которым знаком лично, в которого веришь не по традиции, не потому, что в него верили твои отцы или деды, а потому, что ты узнаешь этого героя сам, потому, что в себе самом чувствуешь его черты, что он герой твоего времени. Вот о таком характере в своей пьесе, пусть и не в ближайшей, я думаю все время».

Какие хорошие, какие правильные слова! Нынешний день советского театра немалым без вдохновенного, поэтического воплощения Человека с большой буквы. Жизнь требует ее отражения в героических образах. И Виктор Розов, как писатель и гражданин, необычайно чуткий к требованиям времени, верно нацелил свою творческую мысль.

Наши зрители надеются увидеть в театрах, и надо полагать, они в своих ожиданиях не обманутся, спектакли острые, горячие, в которых бы они встретились с людьми, достойными пристрастия, зовущими к подвигу. Современному театру, как никогда, нужен истинный герой времени, не по должности, а по сути его внутреннего мира.

Мы с волнением ждем встречи на сцене с людьми возвышенных мыслей и чувств, восхитающимися — именно восхитающимися — величием своего духа. Это, понятно, не исключительные личности, на которых с немой восторгом взирают окружающие. Ничего подобного. Но это духовные родственники Чапаева, Корчагина, молодого Гайдаря, это борцы переднего края семилетия.

Разве завидный успех романтической драмы А. Салынского «Барabanщица» — не яркое тому свидетельство? Драматургу поспешившему создать героический, поэтический характер девушки, воспитанной советским строем, верной дочери социалистической Отчизны. А разве это иконописный образ, разве пред нами не живой, неповторимый тип современницы? Пьеса рассказывает о днях минувших, но рождена она мыслью о дне сегодняшнем, она вдохновлена раздумьями о величии героя нашего времени.

Неисчислимы россыпи тем, конфликтов, героев дает художнику действительность. Умей только отбирать существенное, типичное, определяющее дух времени.

Нет сомнения, что каждый художник, драматург, режиссер, актер хочет стать участником великой битвы за коммунизм, верным помощником партии.

Но здесь решающую роль играет идейная позиция писателя. Только глубоко понимая закономерности развития нашей действительности, только умея видеть в чем главное, решающее, можно создать произведения большого, глубокого дыхания, героические характеры, по которым наши потомки будут судить о поколении людей, строящих коммунизм.

Об этом неоднократно говорилось мастерами искусства на совещаниях, на зрительских конференциях. Настал время исполнить обещания.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 138 10 ноября 1959 г. 3

Денис Притт: «Я верю—будет мир»

КОРРЕСПОНДЕНТ «Литературной газете» встретился с гостиницей в Москве английским юристом Денисом Ноуэллом Приттом. Д. Притт возглавляет Международную ассоциацию юристов-демократов. Общество культурных связей с СССР и Британский комитет в защиту мира.

Что вы могли бы сказать о нынешней международной обстановке?

— Я только что посмотрел фильм о пребывании Никиты Сергеевича Хрущева в Соединенных Штатах, — сказал Д. Притт. — Картина производит очень сильное впечатление. Я как бы сам принимал участие в этом важном событии. И я вновь подумал, что судьба мира в значительной степени зависит от взаимопонимания и сотрудничества двух держав — СССР и США.

Нужно иметь в виду, что до самого последнего времени народ США в результате реакционной пропаганды не имел сколько-нибудь правдивого представления о нашей стране.

Но вот произошли события, которые в корне перевернули представление американцев о России. Я имею в виду, во-первых, успехи советской науки в деле запуска спутников и лунных ракет. Миф об отсталости России развеялся, как дым. Трезвые американцы поняли, что Советский Союз — это передовая промышленная держава. Поэтому резко возрос их интерес к вашему семилетнему плану.

Во-вторых, я говорю о поездке премьеры Хрущева в США. Американцы увидели перед собой простого, сердечного человека, полного народной мудрости и юмора. А американцы, как никто другой, умеют ценить в человеке и здравый смысл, и юмор. Не могли же они одобрить жителя США и того, что призвал к миру Советское правительство и нациям. Короче говоря, визит Хрущева имел грандиозный успех.

Итак, в результате этих двух событий прочный мир кажется теперь гораздо более реальным и достижимым. Большая часть американского народа вряд ли ныне поверит вымыслам об угрозе со стороны Советского Союза. В то же время небольшая, но влиятельная группа деятелей за океаном, которая толкала мир на грань войны, теперь начинает понимать, что советские ракеты могут летать точно не только на Луну.

Как вы оцениваете европейское общественное мнение?

— Общественное мнение в Западной Европе, и особенно в Англии, проявляется гораздо более активно, решительнее, чем в Америке. Не секрет, что господин Макмиллан совершил поездку в Москву под значительным давлением общественного мнения страны. Резуль-

татом явилась победа консерваторов на недавних парламентских выборах.

Ныне задача английского народа, а впрочем, и других народов Западной Европы состоит в том, чтобы продолжать давление на руководителей западных держав, подтолкнуть их на быструю встречу в верхах. Необходимо, чтобы главы правительств отправились на эту встречу с твердым намерением добиться положительных результатов.

Речь Никиты Сергеевича Хрущева на заседании Верховного Совета СССР, где мне довелось присутствовать, конечно, сыграла свою роль в дальнейшем улучшении международной обстановки.

— Вы, русские, любите говорить образно, — заканчивает беседу Денис Притт. — Разрешите, я прибегну также к одному сравнению. Нынешнее положение напоминает мне то, что я наблюдал когда-то в Индии. Там в некоторых районах по многу месяцев не идет страшная засуха. Потом несколько дней на небе собираются облака. Люди с трепетным ожиданием смотрят вверх. И, наконец, на землю низвергается благодатная влага. Так вот, мне кажется, что мы находимся накануне такого дождя, который принесет народам мир. Я верю, что благодаря усилиям миролюбивых народов мир на земле будет обеспечен.

«Демократия» в переводе с древнегреческого на современный греческий. Манолис Глезос в научничках. Фото из греческой газеты «Авги»

Позорный провал афинского судилища

В ПОСЛЕДНИЕ дни греческое правительство приняло ряд новых действий, направленных против мира и демократии. 3 ноября в первом афинском уголовном суде начался суд над демократической газетой «Авги» и ее директором Манолисом Глезосом. 4 ноября правительство приказало применить оружие против тридцати тысяч крестьян — участников голодного похода на Крите. 5 ноября на афинской тюрьме был освобожден немецкий военный преступник М. Мертен, советник германского военного командования Салоники во время оккупации Греции, приговоренный в марте этого года к 25 годам тюремного заключения. 7 ноября генеральный штаб национальной обороны Греции заявил, что в страну доставлены первые американские баллистические ракеты, что скоро будет создана первая воинская часть, оснащенная этими ракетами, и что офицеры и солдаты уже обучились в Западной Германии применению ракет. Наконец, вчера премьер-министр Караманлис и министр иностранных дел Авероф прибыли с официальным визитом в Рим, дабы обсудить «будущее сотрудничество в рамках НАТО». Незабывательно замечать, что одним из первых официальных актов греческих визитеров явилось возложение венка на могилу Неизвестного солдата, который не так уж им не известен: ровно двадцать лет назад итальянские войска вторглись в Грецию.

В то же время греческое правительство сделало официальное заявление, в котором отклоняет предложение о созыве совещания балканских стран и создании на Балканах «безразветной зоны».

«Наша партия уверена, что правительство является

органом иностранцев и олигархии, и говорит об этом, — заявил 6 ноября в зале суда законный в научничках государственный преступник — национальный герой Греции Манолис Глезос. — Об этом говорим не только мы. На выборах 1956 и 1958 годов все партии оппозиции обвиняли правительство в том, что оно является органом иностранцев и олигархии.

Глезос назвал нынешнюю политику властей «диким танцем на законах и конституции». Многие демократы находятся в тюрьмах и обречены на пожизненное заключение без всякого суда. Их арестовывают без предъявления обвинения, не имея даже ордера на арест. В стране попираются свобода печати, свобода собраний, права профсоюзов. Правительство до сих пор не отменило состояние гражданской войны в Греции, что создает почву для беззакония. Когда при аресте Глезос потребовал, чтобы ему предъявили ордер, полицейские со смехом ответили: «Это — устаревшие штучки».

Читателей, естественно, заинтересует вопрос: почему же вновь был привлечен к суду Глезос? Вряд ли на это смогут ответить сами судьи. Официальный повод для суда — опубликование в «Авги» двух статей, разоблачающих преследование демократов в Греции и закордакства властей.

Характерно, что на суде расставено сил сложилось так: с одной стороны выступили 7 свидетелей обвинения, с другой стороны — около 100 свидетелей защиты: бывшие министры, депутаты парламента, в том числе и от буржуазных партий, греческие журналисты. Обвинения была разоблачена в первые же часы судебного следствия, но суд все-таки продолжался. Яко, что суд над Глезосом был вызван другой причиной. Его судили не «за что», а «для чего»: для того, чтобы нанести удар миролюбивым, демократическим силам греческого народа, для того, чтобы и впредь проводить политику обострения международной напряженности и, наконец, для того, чтобы укрепить положение греческого правительства, которое за последнее время стало внушать опасения. Но получилось наоборот. Газета «Авги» подчеркнула на днях, что «правительство провалилось в своей попытке изолировать левых и их газету, что, наоборот, суд привел к изоляции правительства».

Эти слова оказались пророческими. Вчера афинский суд под давлением неопровержимых фактов, под давлением греческого и мирового общественного мнения признал газету «Авги» и ее директора Манолиса Глезоса невиновными в предъявленном от имени правительства обвинении. Так позорно окончилась попытка правящих кругов Греции «осудить» демократию.

Оправдательный приговор суда — не последний удар по тем, кто в Греции все еще лепечет мечту о продолжении обанкротившейся политики «холодной войны». Мы без труда представляем себе, в сколь неуютном положении оказались греческие реакционеры. Впредь им наука. Греческая реакция — это неизбежно ведет к одному — к пороению.

Корнелия ЗЕЛНИК

Поэзия Сальваторе Квазимодо

ЗНАКОМЯСЬ со стихами в западноевропейских журналах и с отдельными сборниками стихов, выходящими во Франции, Англии, Италии, ФРГ, видишь, что они в массе очень непохожи на наши. И по тематике, и по своей структуре. Их темы часто далеки от наших и вместе с тем вечны, что всегда волновало человека, вместе с чувствами любви, мыслию о природе и смерти волнуют нас, словно в крутящуюся воронку, в узкосубъективный мир поэтического «я». Не всегда можно угадать внешние поводы или толчки к действительности, которые вызвали рождение тех или иных поэтических мыслей и образов. Не всегда можно угадать и связи между ними. Эта трудность восприятия вызывается не только изысканностью или непонятностью метафор и сравнений. Нет, отдельные мысли, взятые сами по себе, могут быть и отвлечены. Но их логика не всегда понятна. Трудность заключается именно в прихотливости, а то и капризности неуловимости рождения поэтической мысли. С этим связана и структура, или построение, самих стихов. Иногда они представляют собой не связанные между собой ни сюжетом наблюдения, ни логикой развития идеи.

Этот тип субъективной, романтической поэзии возник давно — еще в конце прошлого века — и первоначально был представлен в произведениях символистов. Ослабление или утрата интереса к внешнему миру, и прежде всего социальной борьбе, и перенос внимания на внутреннее видения — все это было следствием проникновения в сферу поэзии и вообще идеологии тех начал, какие несло с собой развитие буржуазной цивилизации. Противоречия классового общества в условиях господства буржуазии самым глубоким и неблагоприятным образом сказались на развитии поэзии, отчуждая ее от здоровых интересов человека. Разумеется, было бы ошибкой смешивать всеобщие тенденции или устанавливать прямую традицию между ними. В каждой стране все было по-своему. Для англичанина Эллиота французам Малларме или Валери были уже чем-то старомодным, так же как немцы Гильке,

а тем более Георге для итальянских «герметиков». Но нельзя не признать, что в этом направлении утонченного самоуглубления в поэзии достигло большое изощрение, вырождаясь в нечто аполитическое в духе, впрочем, тоже уже «старомодного» дадаизма.

Творчество наиболее крупных и известных современных поэтов Италии старшего поколения — Унгаретти, Монтале, наконец, Квазимодо — развилось именно в атмосфере этого романтического субъективизма и утонченного самоуглубления. Среди итальянских «герметиков» (хотя сам термин этот тоже уже дело прошлого, времен минувшей войны) наибольший интерес представляет Сальваторе Квазимодо. Это вообще один из наиболее интересных современных поэтов мира. Человек нашего поколения (Квазимодо около шестидесяти лет), он был свидетелем и участником всех бурных событий нашего века. Уроженец Сицилии, сын путевого обходчика-железнодорожника, прошедший детство в народно-демократической среде, Сальваторе Квазимодо благодаря своему уму и таланту поднимается на самые вершины современной европейской культуры. Он переживает на севере в Милане, который становится его постоянным местожительством. Сальваторе Квазимодо — переводчик великих классических произведений европейских народов. Он переводчик Шекспира и Гете, он составитель и редактор античных и разных антологий, профессор истории литературы, переводчик на итальянский язык и некоторых поэтов, пишущих на местных диалектах (например, сицилийского поэта Буттино, бывшего гостем на московской встрече итальянских и советских поэтов). Сальваторе Квазимодо — автор тонких и глубоких по мысли эссе. И прежде всего он — поэт.

Сальваторе Квазимодо-поэт написал, в сущности, немного. Но его поэтические тетради, всегда очень изысканно оформленные, хранят на себе печать сосредоточенных раздумий над явлениями внутренней душевной жизни и, я бы сказал, печать некоего аристократизма духа (если это отнестись к нему в первую очередь к его довоенным произведениям). Замечательная черта, которая всегда отличала Сальваторе Квазимодо как поэта, — это острое чувство современности. Оно, это чувство, прорывается стихом порой прихотливые узоры образов и видений.

Когда я вспоминаю свою встречу с поэтом, я вижу перед собой чрезвычайно живое лицо южанина, умные и пронзительные глаза человека, который знает цену жизни и умеет любить ее. Даже в прежние годы, забирался в абстрактные сферы герметизма, Квазимодо все-таки оставался человеком жизни. И это чувство с каждым годом брало у

него верх. Наконец в годы войны и гитлеровской оккупации в его творчестве происходил большой идейный перелом. После войны (в таких книгах, как «Жизнь не сон», «День за днем», наконец в последней книге «Земля несравненная») в поэзии Квазимодо голос социальной борьбы, любви и родины, любви к человеку заговорил громко и внятно.

Идейное и художественное развитие Сальваторе Квазимодо, его выход из круга узколичных и интимных тем в широкий мир идей всего человечества — вот истинные замечательные свидетельства того, что эпоха господства субъективного романтизма заканчивается. Модернизм расклевывается. Рождается поэзия нового типа. И поэты, даже связанные прежде с модернистской традицией, идут — каждый своим дорожкой — к новому миру, ищут к человеку с его социальными и новыми духовными интересами.

Повторю, острое чувство современности с ее борьбой — вот что всегда было присуще Квазимодо, страстным полемисту в стихах и в статьях. Вот он видит удличного гимнаста, который кривляется перед прохожими. Ключи глядят на вас «глазами хоряка», он «бесстыдно изгибается». И в этом поэт видит социальную анатомию современной цивилизации (стихотворение «Почти эпиграмма»). Или вот стихотворение «Из газетной хроники». Двое юношей — француз и Клод и Жак — убили двух молодых влюбленных, находившихся в автомобиле, стоявшем совершенно неподвижно в парке Сен-Клу на аллее Счастья. И этот факт заставляет воскликнуть итальянского поэта: «О, древнейшие из латинян, спасайте важнейшие стимулы жизни!»

Противоречия современной капиталистической цивилизации, обезличивания, которое несет она, дышат итальянского поэта даже на верхних этажах его поэтического уединения. В стихотворении «В этом городе» Квазимодо писал, что «в этом городе есть даже такая машина, которая и мечты перемалывает в порошок».

Эта машина стоит в уголовном баре перед строем платанов здесь, в столице моей, или в какой-нибудь другой. Ну, смеется крутями рукоять, механизм включает! (перевод Л. МАРТЫНОВА)

Нет, не нужна поэзия такая «цивилизация», и черту такие «машинные». В стихах Квазимодо привлекают разное в них чувство красоты и тонкое умение передать ее в словах. И поэтому он так чувствует неправду старого мира, в котором трудно жить всему

и детей и вспоминает сумрачный полустолон, где его отец встречал поезда со своим фонарем.

Я скажу тебе, как батрак
Говорит своему господину:
«Лезу руки твои».

Только это. Больше ни слова.
Как стихийно могуча жизнь.
(Перевод Ал. ЯНОВА)

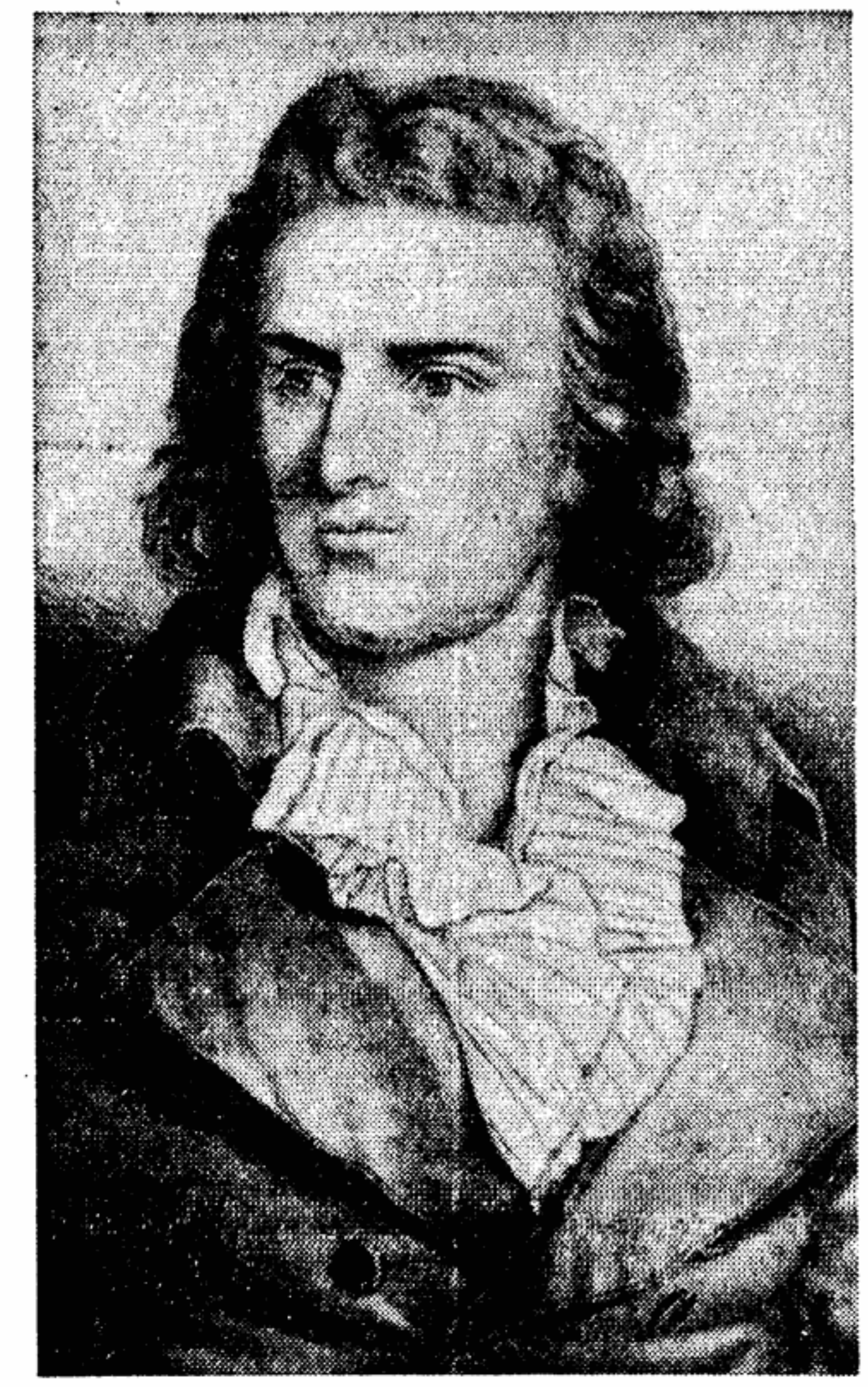
Да, жизнь могуча. И в ней правда поэзии. Со всей силой она ворвалась в поэзию Сальваторе Квазимодо, как я сказал, в годы войны. Бомбы, обрушившиеся на его родной Милан и другие города Италии, гибель близких, разорение великой страны и великий патристический гнев, поднявший на борьбу с фашизмом и гитлеровцами миллионы людей, — все это имело громадные последствия не только для Квазимодо, но и для всей итальянской литературы. Движение Сопротивления властно вдохнуло в нее мысль о народе, образ народа, нафос социальной борьбы, подняло волну горячей любви к родине. Все это заставило переосмыслить многие ценности и в новом свете увидеть прежние романтические миры поэтов. «Как петь могли мы, чувствуя на сердце подвоянных сапог иноземца», — восклицал Квазимодо в стихотворении «На ветвах плакучих ив», которое все дышит беспощадной правдой жизни.

В замечательном стихотворении «Страна моя, Италия» Сальваторе Квазимодо пишет о том, что, чем дальше от нас отходят видения войны, тем глубже они врезаются в сердце, тем ближе ему становится родной народ и родная страна:

Страна моя, Италия, знай это —
Ее народ пою, хочу я плач ее воспеть,
Плач, который заглушает прибой ее морей.
Хочу воспеть прозрачный траур матерей
И родины своей хочу воспеть я жизнь.
(Перевод Г. БРЕЙТВЕРДА)

Какие это прекрасные слова — воспеть свой народ и жизнь своей родины! Эти слова близки и нам, советским литераторам. В послании, которое Сальваторе Квазимодо привез в Москву на встречу с советскими поэтами, он говорил, что мечтает о поэзии, вмешивающейся в жизнь, могущей изменить ее. И эти слова тоже были близки нам. Отвечая автору этих строк на поздравление в связи с присуждением поэту Нобелевской премии, Сальваторе Квазимодо телеграфировал, что он обнимает нас (имея в виду не только адресата, но и его друзей в Советском Союзе) «под сенью поэзии и дружбы».

И мы вместе с итальянским поэтом радуемся торжеству подлинной, то есть связанной с народом, человеческой поэзии. Мы радуемся и тому, что земной шар сегодня усилиями всех честных людей поворачивается к теплу доверия и дружбы.

Шиллер на советской сцене

В НЕСКОЛЬКИХ главах последней книги «Хождения по мукам» Алексея Толстого описан драматический кружок красноармейской части. В перерывах между боями он ставит «Разбойники» Шиллера. Роли исполняют рядовые бойцы и командиры.

Константин Федин в романе «Необыкновенное лето» рассказывает о первом советском театре в Саратове. В трудные и голодные дни гражданской войны молодой коллектив с энтузиазмом осуществляет свою первую постановку «Коварство и любовь».

В этих двух книгах, повествующих о первых годах Советского государства, правдивые художники запечатлели характерные черты, типичные явления той грозной и славной поры.

Драмы Шиллера в годы революции и гражданской войны были необычайно популярны. 9 ноября 1917 г., то есть через день после победы революционно-народного фронта, филиал Александринского театра ставил «Коварство и любовь».

«Большой драматический театр» — первый революционный театр, созданный в феврале 1919 г. в Петрограде, открылся «Дон Карлосом». Вскоре были поставлены и «Разбойники».

Перед спектаклями «Дон Карлос» и «Разбойники», которые театр показывал красноармейцам, с вступительными речами-лекциями выступал великий русский поэт Александр Блок. Озвучены о спектаклях и статьи, популяризирующие творчество Шиллера, писал нарком просвещения А. В. Луначарский.

Тогда же в 1919 г. были созданы передвижные красноармейские театры, выезжавшие в воинские части на фронты гражданской войны. В их репертуаре были «Разбойники», «Заговор Фисско», «Коварство и любовь».

В годы революционных боев Шиллер в советском театре был едва ли не

самым популярным из иностранных драматургов... В этом одно из проявлений закономерной исторической преемственности в освободительной борьбе народов. Ведь и в 1789—1794 гг. «Разбойники» были в числе самых любимых зрелищ революционных парижан, и по их требованию «поэт Шиллер — друг человечества» был удостоен звания почетного гражданина Французской республики...

Но с прекращением революционных боев не померкла слава Шиллера на советской сцене.

В первый год первой пятилетки в индустриальном Харькове, когда весь город жил боевыми сводками строк, сообщениями об открытии новых заводов, о выпуске первых тракторов, Украинский театр «Березиль» ставил «Заговор Фисско». Автор этих строк со своими товарищами — комсомольцами паровозного завода пошел на спектакль прямо из цеха и на всю жизнь запомнил светлую, окрыляющую радость, которую испытали от этой встречи с Шиллером молодые рабочие.

Постановки «Разбойников» в армянских театрах в Ереване, Баку и в грузинском театре имени Руставели в Тбилиси были значительными событиями в становлении социалистической культуры Армении и Грузии.

Узбекский драматический театр им. Хамзы в Ташкенте еще в 30-е годы впервые поставил «Коварство и любовь». Затем в его репертуаре появились «Разбойники» и «Мария Стюарт».

С постановками шиллеровских пьес связаны значительные этапы творческого развития многих национальных театров — киргизского во Фрунзе, армянского в Саратове.

В трудные годы Великой Отечественной войны против немецких фашистов советские театры продолжали ставить пьесы великого сына немецкого народа. В Москве в 1944 г. шел «Вильгельм

Телль», в Ленинграде и Саратове «Орлеанская дева», во многих периферийных театрах «Разбойники» и «Коварство и любовь», «Дон Карлос» и «Мария Стюарт».

В течение трех последних сезонов (1956—1959 гг.) к числу наиболее значительных событий театральной жизни нашей страны относились несколько новых постановок Шиллера. «Мария Стюарт» — в Московском художественном академическом театре, в театре имени Райниса в Риге, в театре имени Марджанишвили в Тбилиси и в Литовском академическом театре в Вильнюсе. «Дон Карлос» — в драматическом театре им. Кингисеппа в Таллине, «Заговор Фисско» в Ленинградском театре им. Пушкина, «Разбойники» в Москве, в Сталинграде и др.

Недавно один иностранный литератор, побывавший в Советском Союзе, удивленно и вместе с тем иронически спрашивал: «Как объяснить, что вы, русские коммунисты, такие трезвые, материалистически мыслящие люди, доверяющие только точным наукам, борцы за индустриализацию и создатели космических ракет, питаете такую странную слабость к старомодным чувственным и патетическим пьесам Шиллера?»

Ответ был для гостя сперва несколько неожиданным, но под конец, кажется, побудил его серьезно задуматься.

Шиллера давно любят в России. Его творчество было близко и деревляно-оным передовым русским людям уже в прошлом веке, когда Пушкин с друзьями беседовал о Шиллере о славе, о любви, когда замечательные артисты Каратыгин и Мочалов выступали в первых русских постановках «Разбойников» и «Дон Карлоса», когда Великий русский Шиллера «поэтом гуманизма», «трибуном человечества» и своим «кумирном», а Герцен писал: «Кто теряет вкус к Шиллеру, тот или стар

или педант, очерствел или забыл себя...»

Молодежь Петербурга, Москвы и многих других русских городов бурно приветствовала в театрах волнолюбивые пьесы Карла Моора и Веррины, маркиза Рожи и Вильгельма Телля. В начале своего творческого пути Чайковский создал кантату на слова шиллеровской «Песни Радости», уже зрелым композитором он написал оперу «Орлеанская дева».

Творчество Шиллера, о котором Достоевский сказал, что оно «в душу русскую всоослось», стало неотъемлемой частью передовой русской национальной культуры.

Но не только по традиции живет и снова, и снова омолаживается драматургия Шиллера на советской сцене. Ведь прежде всего самим нам сродни его благородный гуманизм, его пылкое свободное, преданное высоким нравственным принципам человечности и вера в конечное торжество человеческого разума и справедливости. Нам близки эти главные идейно-эстетические основы драматургии Шиллера. Именно идейно-эстетические, то есть определяющие как проблематику и сюжеты, так и художественные средства их драматического воплощения.

Нам, что называется, «по душе» вся атмосфера театра Шиллера — вдохновенное сочетание художественного творчества с борьбой за общественные и нравственные идеалы, органическое соединение романтики с реализмом. Именно поэтому драматургия Шиллера стала одним из отдаленных, но живых исторических источников идейно-художественного принципа театра социалистического реализма.

Великий создатель Советского государства Ленин говорил, что коммунист можно стать лишь тогда, когда обогатит свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Все новые и новые успехи драматургии Шиллера в театрах социалистических стран — одно из множества живых воплощений этой истины.

Лев КОПЕЛЕВ

и детей и вспоминает сумрачный полустолон, где его отец встречал поезда со своим фонарем.

Я скажу тебе, как батрак
Говорит своему господину:
«Лезу руки твои».

Только это. Больше ни слова.
Как стихийно могуча жизнь.
(Перевод Ал. ЯНОВА)

Да, жизнь могуча. И в ней правда поэзии. Со всей силой она ворвалась в поэзию Сальваторе Квазимодо, как я сказал, в годы войны. Бомбы, обрушившиеся на его родной Милан и другие города Италии, гибель близких, разорение великой страны и великий патристический гнев, поднявший на борьбу с фашизмом и гитлеровцами миллионы людей, — все это имело громадные последствия не только для Квазимодо, но и для всей итальянской литературы. Движение Сопротивления властно вдохнуло в нее мысль о народе, образ народа, нафос социальной борьбы, подняло волну горячей любви к родине. Все это заставило переосмыслить многие ценности и в новом свете увидеть прежние романтические миры поэтов. «Как петь могли мы, чувствуя на сердце подвоянных сапог иноземца», — восклицал Квазимодо в стихотворении «На ветвах плакучих ив», которое все дышит беспощадной правдой жизни.

В замечательном стихотворении «Страна моя, Италия» Сальваторе Квазимодо пишет о том, что, чем дальше от нас отходят видения войны, тем глубже они врезаются в сердце, тем ближе ему становится родной народ и родная страна:

Страна моя, Италия, знай это —
Ее народ пою, хочу я плач ее воспеть,
Плач, который заглушает прибой ее морей.
Хочу воспеть прозрачный траур матерей
И родины своей хочу воспеть я жизнь.
(Перевод Г. БРЕЙТВЕРДА)

Какие это прекрасные слова — воспеть свой народ и жизнь своей родины! Эти слова близки и нам, советским литераторам. В послании, которое Сальваторе Квазимодо привез в Москву на встречу с советскими поэтами, он говорил, что мечтает о поэзии, вмешивающейся в жизнь, могущей изменить ее. И эти слова тоже были близки нам. Отвечая автору этих строк на поздравление в связи с присуждением поэту Нобелевской премии, Сальваторе Квазимодо телеграфировал, что он обнимает нас (имея в виду не только адресата, но и его друзей в Советском Союзе) «под сенью поэзии и дружбы».

И мы вместе с итальянским поэтом радуемся торжеству подлинной, то есть связанной с народом, человеческой поэзии. Мы радуемся и тому, что земной шар сегодня усилиями всех честных людей поворачивается к теплу доверия и дружбы.

Александр Алексеевич Садовский

Скоротечно скончался старый коммунист, критик и переводчик, член Союза писателей СССР, заведующий кафедрой художественного перевода Литературного института имени А. М. Горького Александр Алексеевич САДОВСКИЙ.

А. А. Садовский прожил яркую и славную жизнь писателя-коммуниста. Начав свою революционную деятельность еще пятнадцатилетним юношей, он в октябре 1917 года вступил в ряды большевистской партии и с оружием в руках боролся за утверждение Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке. Он сражался в партизанских отрядах, в частях Красной гвардии, был подпольщиком и сидел в колчаковских тюрьмах. В боях с врагами революции А. А. Садовский был тяжело ранен — ему ампутировали обе ноги, однако он продолжал оставаться в строю.

Партия поручала А. А. Садовскому трудные и ответственные посты. Он был секретарем Дальбюро РКП(б) и секретарем Сибревкома, работал референтом Дальневосточного секретариата Коминтерна. После гражданской войны А. А. Садовский находился на партийной и советской работе, заведовал редакцией Радиогазеты, был ответственным корреспондентом ТАСС в Петербурге, являлся одним из организаторов советского павильона на Международной парижской выставке в 1937 году.

Свыше двадцати лет А. А. Садовский с энтузиазмом пропагандировал произведения писателей национальных республик нашей страны. Он перевел на русский язык романы «Тегеран» Г. Севуна, «Ширак» Ахави, «Апшерон» Мехти Гусейна, «Решающий шаг» Берды Гербаева, «Прокуренный край» Г. Мурсупова и многие другие книги. Талантливые переводы А. А. Садовского отмечены почетными грамотами Верховных Советов ряда союзных республик.

А. А. Садовский был заботливым воспитателем молодых писателей и переводчиков. Он вел большую партийную и общественно-политическую работу в Московском отделении Союза писателей, в издательстве «Советский писатель», являлся одним из лучших педагогов Литературного института, где с 1957 года руководил кафедрой художественного перевода.

Безвременная кончина Александра Алексеевича Садовского — тяжелая утрата для советской литературы. Мы навсегда сохраним в нашей памяти его светлый образ.

Правление Союза писателей СССР, Бюро правления Союза писателей РСФСР.

Правление и партком Московского отделения Союза писателей РСФСР, Литературный институт имени А. М. Горького

Правление Союза писателей Белоруссии с прискрибом извещает о скоротечной смерти белорусского прозаика, члена Союза писателей «коммуниста»

Ивана Кузьмича СИВЦОВА, последовавшей 9 ноября сего года, и выражает глубокое соболезнование семье покойного.

Правление Союза писателей БССР